

РАЙСА УОЛКЕР

СКОВАННАЯ
ВРЕМЕНЕМ

Райса Уолкер

Скованная временем

Серия «Файлы Хроноса», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64346846
Скованная временем / Райса Уолкер: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-112674-2*

Аннотация

Как из современного Вашингтона отправиться в далекий Чикаго 1893 года? Для Кейт невозможное стало реальным.

Оказывается, странный медальон ее бабушки не что иное, как ключ к штаб-квартире ХРОНОСа – организации историков из будущего, путешествующих во времени. Вскоре Кейт обнаруживает, что реальность изменилась и ее родителей больше не существует, а она осталась жива только благодаря защите ключа. Кто-то убил бабушку Кейт, когда она находилась в девятнадцатом веке. Девушка должна отправиться в далекое прошлое и выяснить, как предотвратить ужасные последствия.

Но если все получится, парень, который ей нравится, никогда больше не вспомнит ее. Не повлияют ли ее перемещения на судьбу всего мира?

Содержание

∞ Пролог ∞	4
∞ 1 ∞	6
∞ 2 ∞	24
∞ 3 ∞	46
∞ 4 ∞	70
∞ 5 ∞	91
∞ 6 ∞	106
∞ 7 ∞	121
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Райса Уолкер

Скованная временем

∞ Пролог ∞

Чикаго – октябрь 1893

Каблук моего кожаного сапога проткнул дыру размером с ладонь в подоле моего платья, когда я заворачивала за угол. Звук шагов, преследующий меня, затих на мгновение и тут же раздался снова; шаги ускорились. Я свернула в очередной коридор, молча проклиная иконы стиля 1890-х. Будь я в своих привычных шортах и футболке, давно бы уже была за пределами этого несчастного отеля. Крепкий удар по голове лишил бы сознания доктора, и моя шея не горела бы от боли.

Я бросилась через коридор и свернула налево, надеясь, что доктор решит, будто я выбрала более легкий путь – направо. Через три двери я решила потянуть за одну из ручек и проверить, не поддастся ли она. Безуспешно. Я прижалась к двери как можно сильнее и вытащила медальон. Его сердцевина светилась, окружая меня мягким голубым сиянием. И хотя я знала, что он не сможет *увидеть* свет, чувство, что меня вот-вот разоблачат, не покидало. Сколько женщин за последний год он заманил в этот лабиринт из коридоров? Остался ли кто-нибудь из них в живых?

Бледный, желтоватый свет его фонаря проскользнул в противоположном конце коридора и затем снова появился, когда доктор развернулся, направляясь прямо ко мне. Я пыталась унять дрожь в руках, чтобы сосредоточиться на медальоне для вызова интерфейса, но это было нелегко, сердце колотилось, шею жгло от кислоты.

Дисплей навигации коротко помигал и отключился. Я подавила нарастающую волну паники и собиралась попробовать снова, когда дверь за спиной открылась и я провалилась в комнату. Чья-то рука накрыла рот, удерживая крик прежде, чем он успел сорваться с губ. А затем и другая рука, в которой была сложенная белая ткань, потянулась ко мне.

Все в этот момент встало на свои места. Ужасы внутри этого отеля были делом рук не одного безумного человека. У доктора Генри Холмса, очевидно, был сообщник. И из-за ХРОНОСа и этого дурацкого медальона я попала прямо в их лапы.

Я не требовательна к порядку и чистоте. Все, кто в этом сомневаются, могут порыться в моем рюкзаке, где вы с большой вероятностью найдете недоеденную шоколадку, что пролежала там с самой Айовы – штата, из которого мы уехали почти год назад. После детского сада я пять раз меняла школу. Я провожу половину каждой недели с мамой, а другую – с папой, в доме которого сплю на диване и делю с ним до смешного крохотную ванную комнату. У меня не большие запросы. Я могу *справляться* с хаосом.

Но есть вещи, в которых должен быть порядок. Обувь надевается *после* носков. Арахисовое масло нужно мазать *после* того, как хлеб выпрыгнет из тостера, не раньше. И внуки рождаются *после* своих бабушек и дедушек.

Большинство людей не задумываются о последнем. Я точно не делала этого – по крайней мере до того, как бабушка не появилась в моей жизни в прошлом апреле. Из-за того, что этот маленький элемент вышел из строя, вся моя жизнь изменилась. И здесь я не преувеличиваю. Полное стирание твоего существования определенно должно квалифицироваться как событие, изменившее жизнь.

До внезапного появления моей бабушки я не видела ее более десяти лет. В старом альбоме была пара пожелтевших фотографий, на которых мы были запечатлены вместе, но

для меня она была всего лишь человеком, отправляющим деньги на дни рождения и Рождество. И человеком, который не нравился моей маме.

– Вот, *всегда* так, – сказала мама, выходя из метро, – мать врывается в город и требует внимания. И не важно, что у нас могли быть другие планы.

У меня не было других планов, и я была уверена, что у мамы тоже. Но я понимала, что дело было не в этом.

Навстречу подул слабый ветерок, как только эскалатор поднял нас наверх, к улице, и мы ступили на Висконсин-авеню. Мама вытянула руку, пытаясь поймать такси, но машина остановилась возле другого пассажира.

– Ресторан всего в нескольких кварталах, – сказала я, – мы могли бы быть там уже к...

– Ноги болят из-за этих каблучков, – она оглянулась, но, заметив, что поблизости не осталось свободных такси, сдалась. – Хорошо, Кейт, мы пойдем пешком.

– Зачем ты вообще купила эту обувь? Мне казалось, тебе нет дела до ее мнения.

Она бросила на меня хмурый взгляд и пошла по тротуару.

– Не могли бы мы отложить этот разговор, пожалуйста? Не хочу опоздать.

Я правда не хотела выводить ее из себя. Обычно мы хорошо ладим. Но, когда дело касается ее *собственной* матери, мама безрассудна. Чеки на дни рождения и Рождество, что я упомянула ранее, идут прямым ходом в копилку со сбережения-

ми на колледж, несмотря на то что мама обычно говорит, что я сама должна уметь верно распоряжаться деньгами и нести ответственность за последствия.

Прошлым вечером она говорила со своей матерью более пяти минут — что уже было рекордом, по крайней мере, на моей памяти. Я слышала только слова мамы, но все же смогла составить полную картину. Бабушка вернулась из Европы, она болела и хотела повидаться с нами. Мама возражала, но в конце концов сдалась. Затем переговоры перешли к логистике — местоположение (нейтральная территория), кухня (вегетарианская), время встречи (половина восьмого) и прочее.

Мы добрались до ресторана на добрых десять минут раньше. Это было модное вегетарианское место с большими картинами овощей на фасаде, они напомнили мне иллюстрации в одной из папиных изрядно потрепанных кулинарных книг. Мама вздохнула с облегчением, когда мы вошли и она смогла убедиться, что мы пришли раньше бабушки.

Я устроилась на стуле у барной стойки. Молодой бариста, смешивающий напитки и смузи, был довольно милым, в эстетическо-меланхоличном смысле. У него были длинные волосы, собранные в конский хвост. Даже если он и был *немного* староват для меня, все же было на что посмотреть, пока они спорили.

Несколькими минутами позже подошла бабушка, и она выглядела совсем не так, как я ожидала. Во-первых, она ка-

залась миниатюрнее, чем на фотографиях, – моего роста или даже чуть ниже. Ее седые волосы были отстрижены почти под корень. Одета бабушка была кое-как: в тунику с броским принтом и черные вязаные штаны, которые выглядели, подумала я с завистью, намного удобнее того, во что меня заставили одеться. И она не выглядела нездоровой. Только немного уставшей, наверное. И никакой болезненности.

Мама, очевидно, думала о том же:

– Здравствуй, мама. Ты выглядишь *удивительно* хорошо.

– Не ругайся на меня, Дебора. Я не говорила, что собираюсь умереть к концу этой недели, – ее слова были адресованы маме, но она смотрела прямо на меня. – Мне нужно было увидеть тебя и нужно было увидеть мою внучку, уже такую взрослую и красивую. Школьные фотографии не смогли передать твою красоту в полной мере, дорогая, – она отодвинула стул, чтобы присесть. – Я довольно голодна, Кейт. Еда здесь хорошая?

Я была так уверена, что она будет звать меня Пруденс, что не сразу ответила на вопрос.

– Неплохая, – отозвалась я. – Приличные сэндвичи, и не *все* вегетарианское. Рыба ничего. Десерты хороши.

Она улыбнулась, положив сумочку на соседнее пустое кресло. Вынула ключи, положила их на стол, рядом с салфеткой. На кольце были два совершенно обычных ключа и один совершенно *необычный* медальон. Он был тонким, диаметром примерно в семь сантиметров, и излучал свет, так что

казался необычайно ярким в темной комнате. Он освещал заднюю сторону меню, что держала мама, и я видела крошечные синие точки, отраженные в столовом серебре. Этот свет напомнил мне об ожерелье из светящейся трубочки, что я выиграла на ярмарке в Монтгомери несколько месяцев назад, но этот свет был намного ярче и намного причудливей. В самом центре украшения находились песочные часы. Песок пересыпался из одной части в другую, несмотря на то что медальон ровно лежал на столе.

Мама либо не замечала этот странный объект, что казалось невозможным, либо просто игнорировала его. Если она его игнорировала, то последнее, что я хотела бы сделать, это подлить масла в огонь между ними, пытаясь привлечь ее внимание. Я решила последовать ее примеру по крайней мере в этот раз. Когда я вернулась к меню, то заметила, что бабушка наблюдала за моей реакцией и мягко улыбалась. Выражение ее лица было сложно прочесть, но мне казалось, она почувствовала... *облегчение*.

Сначала все пытались поддерживать ничего не значащий разговор. Погода и еда были относительно безопасными темами, но их мы изучили вдоль и поперек за первые десять минут.

– Как тебе Браяр Хилл? – спросила бабушка.

Я с энтузиазмом погрузилась в новую тему, ощущая еще одну безопасную зону.

– Очень нравится. Учиться немного сложнее, чем в моих

прошлых школах. Я рада, что папа устроился на работу.

В моей новой школе очень щедрая политика, которая предоставляет бесплатное обучение детям учителей. Они даже предлагают маленькие коттеджи для членов педагогического состава, которые хотят жить в кампусе, и именно я занимаю папину раскладушку три или четыре дня в неделю. Матрас комковатый, железная перекладина давит, если придвинуться слишком близко к центру, но это определенно стоит перетерпеть, если в итоге получается выкрасть лишний час сна перед школой.

– Тебе действительно повезло, и Гарри сказал мне, что у тебя неплохо получается.

– Не знала, что вы с папой... общаетесь, – мне очень хотелось спросить, несмотря на то что этот разговор мог принять неприятный оборот, – поэтому ты называешь меня Кейт?

– Да, – сказала она. – А еще ты подписывала так открытки с благодарностями за подарки на твои дни рождения и Рождество последние несколько лет.

Кто бы сомневался. Я совсем забыла об этом.

– Мне жаль, если это ранит твои чувства. Мне правда очень жаль, но...

– С какой это стати мои чувства должны быть ранены? Даже сорок лет назад имя «Пруденс» было отвратительным, но я назвала твою маму, и мне казалось честным, если Джим назовет другую близняшку. Он назвал Пруденс в честь своей матери. Она была очень милой леди, но я все же считаю, что

называть так маленькую беззащитную малышку было ужаснейшим упущением.

Мама, которая, конечно же, поступила со мной так же, когда я была маленькой беззащитной малышкой, молча приняла этот косвенный упрек, и моя бабушка продолжила:

– Я уверена, что имя «Пруденс» не подходит шестнадцатилетней девушке. И, должна признать, я польщена тем, что ты все же выбрала мое имя.

В этот момент я была полностью сбита с толку.

– Но мне казалось... разве тебя зовут не Пруденс?

Они засмеялись, и я почувствовала, как напряжение за столом чуть ослабло.

– Нет, ее тоже зовут *Кэтрин*, – сказала мама. – Пруденс была названа в честь матери моего отца, но ее вторым именем было Кэтрин, в честь *моей* матери. Поэтому ты тоже Пруденс Кэтрин. Я думала, ты знаешь об этом.

Я облегченно вздохнула. Весь день переживала о том, что, если я настою на имени Кейт вместо Пруденс, это может ранить чувства бабушки. Это имя было постоянным предметом спора между мной и мамой. Я даже хотела попросить официально сменить его, когда меня приняли в школу Брайя Хилл прошлой зимой, чтобы такой компромат не попался в руки моим потенциальным врагам. Но мамины глаза наливались слезами при малейшем упоминании этого имени, и мне пришлось сдаться. Когда тебя называют в честь тети, которая погибла в юности, выбор у тебя не большой.

Я отодвинула бесформенный кусок кабачка на край тарелки и бросила многозначительный взгляд на маму, прежде чем ответить:

– Я никогда раньше не слышала, чтобы кто-либо называл ее по имени, так *откуда же* мне было знать? Ты всегда зовешь ее «твоя бабушка».

Бабушка недовольно сморщила нос.

– Ты предпочитаешь, чтоб тебя называли бабулей? – поддразнила я ее, – или, может быть, бабусенькой?

Она вздрогнула:

– Нет, и уж *тем более* не то, что ты назвала последним. Как тебе «Кэтрин»? Мне никогда не нравились формальные титулы, и все остальные зовут меня просто Кэтрин.

Я кивнула, а мама бросила на меня укоризненный взгляд, вероятно, за то, что я сблизилась с врагом.

Официантка принесла маме еще мерло и наполнила наши бокалы. Я была удивлена тем, что она даже не взглянула на старый медальон, когда подошла к столу, такое ведь не каждый день увидишь. Свет от медальона превратил воду в наших бокалах в нежно-голубую, когда она полилась из кувшина. Я ожидала, что она хотя бы оглянется через плечо, когда отойдет, как обычно делают люди, если что-то привлекает их внимание и они не хотят выглядеть грубыми, уставившись на это сразу, или, как в этом случае, лишиться своих чаевых. Но она сразу же ушла на кухню, остановившись лишь раз, чтобы переброситься парой слов с тем Милым Парнем.

Мы уже почти доели первое, как я нечаянно наткнулась на очередную разговорную мину:

– А твой отель далеко отсюда? – спросила я, надеясь выпросить визит в какое-нибудь место с крытым бассейном и сауной.

– Я не останавливалась в отеле, – сказала Кэтрин. – Я купила дом. Недалеко от твоей школы, кстати.

Мама замерла, не донеся вилку с ризотто до рта:

– Ты... купила... дом.

– Да. Мы с Коннором жили в палатке некоторое время, но владельцы наконец-то съезжают, и теперь нам осталось только привести все в порядок. Гарри посоветовал мне очень хорошего риелтора.

– Гарри. – Мама сжала губы, и у меня возникло ощущение, что папа еще какое-то время будет в ее списке. Она продолжила, четко выговаривая каждое слово голосом, который использовался перед тем, как я попадала под домашний арест. – Значит, ты была в городе несколько недель, и ты не удосужилась позвонить *мне*, и, *более того*, ты позвонила моему бывшему мужу, который был так добр, что помог найти тебе риелтора. *И* держать это в секрете.

– Я не знала, как ты отреагируешь на мое решение, – сказала Кэтрин. – А Гарри меня любит. И я попросила его в качестве особого одолжения сдержать все в секрете. Уверена, ему было нелегко. Скрытность не его сильная сторона. – Я мысленно согласилась с ней, папу во многих отношениях

можно сравнить с широко открытой книгой.

– Хорошо. Итак, ты купила дом, – мама отложила вилку с недоеденным ризотто и отодвинула свой стул. Я переживала о том, что мы вот-вот уйдем со скандалом, но она продолжила: – Я иду в дамскую комнату. Когда я вернусь, надеюсь, ты сможешь рассказать мне о том, кто такой Коннор.

Как только мама отошла достаточно далеко, Кэтрин наклонилась, пододвигая ко мне голубой медальон.

– Они не видят его, дорогая. Точнее, они видят *кулон*, но не видят его так, как мы с тобой. Какого цвета свечение ты видишь? Это голубой, верно?

Я приподняла бровь:

– Ну, да, голубой.

– А вот у меня иначе. Я вижу нежный оттенок оранжевого. Почти как у сливочного мороженого со вкусом апельсина.

– Он *голубой*, – повторяю я. Я в жизни ничего яснее этого голубого цвета не видела.

Она пожала плечами:

– Я не знаю, как это работает. Но я знаю всего несколько десятков людей, которые могут *видеть* этот свет, и каждый из нас видит его немного по-разному.

Кэтрин замерла и оглянулась через плечо, чтобы проверить, не вернулась ли мама, перед тем как положить медальон в свою сумочку.

– Мы не можем говорить об этом сейчас, но тебе так много нужно узнать.

От настойчивого тона Кэтрин в моей голове зазвенели тревожные колокольчики. Но, прежде чем я успела спросить, что именно, по ее мнению, мне нужно знать, она схватила меня за руку, зажав ее между своими ладонями:

– Но я хочу, чтобы ты знала кое-что, Кейт. Это *не* были панические атаки.

Я моргнула, пораженная тем, что она знала про те два случая, которые так сильно потрясли меня. Социальный педагог, к которому мама отвела меня в феврале сразу после второго случая, назвала их паническими атаками, вероятно, спровоцированными сменой школы в середине учебного года. Я не могла понять этого. Если у меня и были панические атаки, то только в те пять месяцев, что я была в старшей школе Рузвельта, где мне приходилось привыкать к металлоискателям и охране после двух лет в сонной, глухой Айове, но и здесь, вероятно, панические атаки были бы причиной обыкновенной скуки.

Оба раза меня охватывало внезапное и сильное чувство того, что что-то было очень, катастрофически не в порядке, но я не могла понять, что именно. Все мое тело поддалось реакции «бей или беги», сердце колотилось, руки дрожали, и все вокруг казалось *иллюзией*. Во время последней атаки я выбежала из класса прямо к своему шкафчику. Позвонила маме, прервав ее совещание. С ней все было хорошо. Затем я пошла в кабинет отца. Его там не оказалось, я не знала его расписания, поэтому побежала по коридорам, останавлива-

ясь, только чтобы заглянуть в прямоугольные окошки в дверях каждого кабинета. Спустя несколько удивленных лиц и брошенных на меня возмущенных взглядов я нашла его. Он тоже был в порядке. Я отправила сообщение своей лучшей подруге, Шарлейн, хотя знала, что она тоже была на уроке и никак не могла мне ответить.

Затем я пошла в туалет для девочек, и меня стошнило. Чувство, что что-то было *не так*, не прекращалось несколько дней.

Я уже хотела спросить, откуда Кэтрин знает про панические атаки, как мама с натянутой улыбкой на лице вернулась к столу. Я хорошо знала эту улыбку. Мы с папой называем ее «давай-посмотрим-на-то-как-ты-объяснишь-мне-это», и она никогда не приводила ни к чему хорошему.

– Ладно, ты купила дом. В Батесде. С кем-то по имени Коннор.

– Нет, Дебора. Я сама купила дом в Батесде. А Коннор – мой сотрудник и друг. Он прекрасный архивариус и компьютерный гений, он очень помогал мне с тех пор, как умер Филипп.

– Что ж, полагаю, это звучит лучше. Я решила, что после смерти Филиппа ты оправилась так же быстро, как и после смерти отца.

Ох. Мой взгляд метнулся в сторону бара в надежде, что Милый Парень с конским хвостом был все еще там, чтобы отвлечь мое внимание, но его нигде не было видно. Затем

я взглянула на стул возле себя, делая все возможное, чтобы не пересечься взглядом с кем-нибудь из сидящих за столом. Острые лучи от медальона проскальзывали сквозь плетения на сумке Кэтрин, от чего сумка выглядела как льдисто-голубой дикобраз, усевшийся на кресло. И между этими глупыми воображаемыми картинками и моими и без того возбужденными нервами я изо всех сил старалась сохранить невозмутимое выражение лица.

На мгновение я решила, что Кэтрин собирается пропустить мимо ушей язвительный комментарий мамы, но в конце концов она глубоко вздохнула.

– Дебора, я не хочу возвращаться к этой старой истории, но я не позволю тебе отпускать колкие замечания в присутствии Кейт, не рассказав ей мою версию событий, – она повернулась ко мне и сказала. – Я вышла замуж за Филиппа спустя три года после смерти твоего дедушки. Безусловно, твоя мать считала, что это было слишком рано. Но Фил был моим другом и коллегой в течение многих лет, а я была одинока. Мы прожили вместе пятнадцать добрых лет, и я очень скучаю по нему.

Я решила, что безопаснее всего будет просто вежливо улыбнуться. С моей точки зрения, три года – довольно долгий срок.

– Почему бы нам не продолжить разговор о доме, мама? Зачем покупать дом, если ты так больна? Разве не было бы разумнее лечь в больницу?

Мне показалось, что эта фраза прозвучала довольно холодно, но решила промолчать. Кэтрин лишь покачала головой и потянулась за сумочкой.

– Мне нужно позаботиться о библиотеке, Дебора. В домах престарелых не так много места для книг. А я хотела бы *насладиться* оставшимся временем. Шаффлборд и дешевый покер не входят в мой список дел, что нужно успеть перед смертью.

Она открыла сумочку, и голубой свет залил стол. Я внимательно наблюдала за мамой. Я видела свет, отраженный в ее глазах, но выражение ее лица совсем не изменилось. Я не понимала, как это возможно, но было ясно, что она действительно не видела свет от медальона.

– Значит, ситуация такая. У меня опухоль мозга. Неоперабельная. – Кэтрин не стала ждать реакции, продолжила бодрым и бесстрастным голосом. – Мы пробовали химио- и лучевую терапию, что объясняет отсутствие волос, – она провела рукой по макушке. – Мне сказали, что еще несколько лет назад это считалось бы модным. *Плохая* новость заключается в том, что у меня, вероятно, есть только год – немного больше, если мне повезет, и немного меньше, если мне не повезет. *Хорошая* новость заключается в том, что за редким исключением, по словам доктора, я смогу делать практически все, что захочу оставшееся мне время.

Она вытащила из сумки длинный конверт и вынула его содержимое – несколько листов бумаги очень официального

вида.

– Это мое завещание. После смерти Филиппа я унаследовала солидную сумму. Все, чем я владею, переходит к Кейт, включая дом. Если я умру до ее совершеннолетия, Дебора, я прошу тебя быть исполнителем завещания до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать. Но есть одно условие. Вы должны оставить Коннору его должность, чтобы моя работа продолжалась. У Кейт будет право изменить это, как только она достигнет совершеннолетия, но я надеюсь, что ему будет позволено оставаться столько, сколько он пожелает. Если ты решишь, что не хочешь быть исполнителем, я попрошу Гарри.

– Также у меня есть одна *просьба*, – добавила она. – Я бы не хотела называть это обязательным условием. Новый дом огромен и находится менее чем в километре от школы Кейт. Я надеюсь, что вы обе захотите переехать ко мне, – Кэтрин долго смотрела на маму, которая заметно вздрогнула от этого предложения, прежде чем продолжить. – Если ты предпочтешь держаться поближе к университету, Дебора, то я обращусь с той же просьбой к Гарри. В любом случае Кейт будет проводить со мной часть каждой недели, и это даст нам время познакомиться поближе.

Кэтрин подтолкнула бумаги к маме.

– Эта копия для тебя, – она сжала мою руку, затем встала и взяла свою сумочку. – Я знаю, что тебе нужно обо всем этом подумать. Пожалуйста, доешьте свой ужин и закажите

десерт, если захочется. Я позабочусь о чеке на выходе.

А затем она исчезла, прежде чем мы с мамой успели сказать хоть слово.

– Что ж, она не утратила склонности к драматизму, – мама взяла документ за уголок, будто он мог укусить. – Я *не* хочу переезжать к ней, Кейт. И не смотри на меня так, будто я воплощение зла. Если ты хочешь выполнить этот пункт «один год в доме с привидениями» из завещания бабушки, тебе придется обсудить это с отцом.

– Ну и кто теперь драматизирует? Мой переезд не входит в завещание. Она сказала, что это просто просьба. И я не считаю тебя «воплощением зла», но боже, мама, она умирает. Она не монстр, и она кажется очень... – я сделала паузу, подыскивая подходящее слово. – Интересной, думаю. И возможно, если ты проведешь с ней какое-то время, вы двое сможете решить свои разногласия, чтобы ты не чувствовала себя виноватой, когда она умрет.

Я заработала неприязненный взгляд.

– Кейт, я сейчас не в настроении для любительского психоанализа. Есть много того, чего ты не понимаешь и, вероятно, не поймешь, пока у тебя не появятся собственные дети. Не уверена, что хочу, чтобы ты навещала ее, не говоря уже о том, чтобы переехать к ней. Она коварна и эгоистична, а я не хочу, чтобы тебе причинили боль.

– Не понимаю, как ты можешь говорить, что она эгоистка, в то время как она оставляет нам кучу денег. По крайней

мере, я предполагаю, что это куча денег.

Мама взглянула на конверт.

– Я думаю, что это возможное предположение. Но я все же надеюсь, что научила тебя тому, что деньги – это еще не все, Кейт. Намного важнее – самопожертвование, отдача *себя* во имя других. Своего времени, внимания, сочувствия...

Она допила остатки вина из бокала, прежде чем продолжить.

– Я всегда была ближе к отцу, чем к матери, но после аварии я очень сильно в ней нуждалась. Я потеряла отца, потеряла близнеца. Я едва успела попрощаться с папой, а Пруденс уже *умерла*. Никаких прощаний, ничего. Я чувствовала себя так одиноко. Мы пережили одну и ту же потерю, но мама закрылась в своей спальне, и я почти не видела ее. Она вышла на похороны и сразу же вернулась в спальню.

Мама задумчиво провела пальцем по краю пустого бокала.

– Может быть, поэтому меня и тянуло к твоему отцу. Гарри был первым человеком из всех, кого я знала, кто мог понять такую потерю.

Родители моего отца погибли в автокатастрофе, когда ему было всего пять. Ему повезло, что он выжил в аварии. Никто из тех, кого я любила, не умирал, и мама с папой всегда были рядом, физически, когда я действительно нуждалась в них. Но я точно могу понять одиночество. После каждой из этих

«панических атак» мне казалось, что никто не понимает, через что я прохожу. Я была в бешенстве от того, что мама и, более того, папа пытались отмахнуться от них как от обычных и объяснимых процессов, в то время, как я без сомнения знала, что это не так.

– Я всегда считала, – продолжала мама, – что мать должна в первую очередь заботиться о своем ребенке, а не о собственных нуждах. Но я, вероятно, не всегда применяю это на практике так, как следовало бы. И... я не хочу, чтобы через двадцать лет ты оглядывалась назад и злилась на меня так же, как я на нее. Я не хочу жить с матерью и не хочу ее денег. Но, – добавила она, – ты скоро станешь совершеннолетней, и ты уже достаточно взрослая, чтобы самой решать. Я не стану запрещать тебе видиться с ней, если ты этого хочешь. Ты и твой отец можете решить все остальное. Звучит справедливо?

Я кивнула. Я ожидала, что она будет обдумывать все в течение нескольких дней или даже недель, и была удивлена, услышав конечное решение так скоро.

– Хочешь разделить десерт?

Она улыбнулась:

– Ни в коем случае, детка. Я хочу свой *собственный*. Мне нужно что-то большое и приторное, с кучей шоколада.

– Вы опоздали, юная леди, – папа вручил мне миску с овощами, как только я вошла. – Нам придется поторопиться, чтобы успеть приготовить джамбалайю к приезду Сары. Нож лежит на столе. Резче-резче!

Я закатила глаза от этой отвратительной игры слов, хотя на самом деле не возражала. Если папа отпускает плохие шутки, значит, у него хорошее настроение.

Мы любим готовить, но в будни редко удастся найти время для чего-то большего, чем суп и бутерброды. Зато по воскресеньям мы делаем все возможное. Обычно Сара, девушка папы, присоединяется к нам, чтобы оценить этикие гастрономические эксперименты, которые мы с папой проводим. К сожалению, кухня не позволяет приготовить что-то экзотичнее, чем пиццу в микроволновке. За стойкой едва хватает места для одного человека, не говоря уже о двух. Поэтому я сидела за кухонным столом, нарезаю «Святую Троицу» креольской кухни – болгарский перец, сельдерей и лук, а папа стоял у раковины и делал свою часть подготовительной работы. Конверт с завещанием Кэтрин лежал на дальнем конце маленького столика, чтобы его не забрызгало в процессе резки овощей. Я взглянула на папу, бросая последние кусочки сельдерея в миску.

– Мама просила передать тебе привет. И Кэтрин тоже.

Отец криво улыбнулся:

– Ох. И насколько сильно меня втянули в это?

Я лишь усмехнулась и начала нарезать перец соломкой.

– Я бы сказала, примерно по уши. Кэтрин нам поведала, что ты помог ей найти риелтора.

– Я дал ей адрес сайта одного знакомого Сары и сказал, что он вполне может справиться. Это нельзя назвать пособничеством врагу, – он вернулся к ветчине, которую резал. – Так она собирается купить здесь дом?

– Она уже его купила. В нескольких минутах ходьбы от Брайр Хилл, довольно близко. Я думала, ты знаешь.

Он усмехнулся.

– Нет. Я думаю, Кэтрин решила, что моя жизнь будет проще, если я буду знать чуть меньше о ее планах. Но вот что я скажу: я счастлив, что она вернулась, – его глаза, такие же темно-зеленые, как и мои, помрачнели. – Как она там?

– Так, значит, ты знаешь, что она больна?

– Да. Она написала мне об этом в своем последнем письме. Так печально. Мне всегда нравилась Кэтрин, несмотря на отношение твоей мамы к ней.

Я сложила в кучку тонкую соломку зеленого перца и перевернула, чтобы крошить.

– Она не выглядит умирающей. У нее суперкороткие волосы, она сказала, что это из-за процедур. Не могу вспомнить, как она выглядела раньше, за исключением нескольких очень старых фотографий, – я на мгновение замолчала. – Ты

рассказал ей о моих... панических атаках... или это была мама?

– Хм... это был я. Надеюсь, ничего страшного? Она как-то написала мне и спросила, как у тебя дела. Я беспокоился о тебе и подумал, может быть, твоя мама прошла через что-то подобное, когда была в твоём возрасте. Наверное, я мог бы спросить твою маму напрямую, но вытягивать такую информацию из Деборы – все равно что вырывать зубы.

– Все в порядке, – сказала я. – Мне просто было интересно. Она рассказала тебе о завещании?

– Нет. Не знал, что завещание *есть*. Она снова пытается заставить твою маму взять деньги?

– Ну, не совсем так, – я смахнула нарезанный кубиками перец в миску тупой стороной ножа и принялась за лук. – Кэтрин говорит, что оставляет мне все, включая большой дом, который она только что купила. И еще много чего другого. И если мама серьезно не передумает, вероятно, тебе придется стать исполнителем завещания и распорядителем счета, или что-то в этом роде.

Папа едва не порезал указательный палец. Он осторожно положил нож на разделочную доску и придвинул другой стул, вытирая руки о кухонное полотенце.

– Счета?

Я протянула ему конверт, и он некоторое время молчал, рассматривая документы.

– Я даже не подозревал, что у Кэтрин так много денег,

чтобы купить дом, особенно здесь. Я думал, что она выберет какой-нибудь маленький загородный дом или что-то в этом роде. Теперь друг Сары должен мне пиво – черт, банок шесть – за то, что я оказал ему такую услугу.

– Это еще не все, – сказала я, – Кэтрин хочет, чтобы я переехала к ней... ну, с мамой, но я думаю, Кэтрин знала, каким будет *ее* ответ. Бабушка знает, что здесь я бываю одну половину недели, а с мамой – другую, поэтому она сказала, что если мама скажет «нет», то она попросит тебя.

– Это условие завещания?

– Нет. Но я хочу согласиться.

Папа долго смотрел на меня.

– Ты уверена, Кэти? Думаю, следующие несколько месяцев будут нелегкими для твоей бабушки. И это может звучать немного грубо, но чем сильнее ты к ней привяжешься, тем больнее будет, когда она уйдет. То есть я забочусь о Кэтрин, но в первую очередь я должен думать о тебе.

– Я знаю, папа. Но мне кажется, что она одинока, – я хотела рассказать ему о медальоне, но не была уверена, что он мне поверит. Он не решит, что я *лгу*, но может начать беспокоиться о том, не поехала ли у меня крыша. И, даже если Кэтрин не заставляла меня хранить тайну, мне казалось, что я нарушу ее доверие, обсуждая это с кем-нибудь до того, как у нее самой будет шанс рассказать мне все. – Я хочу узнать ее получше. Пока не стало слишком поздно...

Он вздохнул и откинулся на спинку стула.

– А что говорит твоя мама?

– Мама не хочет переезжать к ней, даже на некоторое время. Но, кроме того, она говорит, что все зависит от нас. И ты можешь оставаться здесь в те дни, когда я с мамой, чтобы Сара могла оставаться у тебя на ночь...

Папа мгновенно покраснел, и я мысленно пнула себя. Я уже несколько месяцев назад поняла, что Сара оставалась здесь с ночевкой в те дни, когда я была с мамой, но, кажется, я выбрала не самый этичный способ рассказать об этом отцу.

– Хм... Верно, – он встал и вернулся к разделочной доске. – Я думаю, мне следует поговорить с твоей мамой, прежде чем мы продолжим обсуждать это дело. Поскольку я и так уже по уши втянут, мне бы не хотелось усугублять ситуацию. Но если она действительно согласна с этим и ты уверена, что это то, чего ты хочешь...

Как только джамбалайя начала благоуханно булькать на заднем плане, папа взял свой сотовый, прихватив завещание, и пошел в спальню. Я вытащила из рюкзака учебник по астрономии и попыталась прочитать задание, но сосредоточиться было нелегко. Я все ждала, что услышу громкие голоса, доносящиеся из спальни, – хотя это, наверное, было глупо, так как папа никогда не кричал, и было бы довольно проблематично услышать маму из динамика его телефона, даже если бы она кричала во весь голос.

Я только встала, чтобы размешать джамбалайю, как вернулся папа. Он протянул мне завещание и маленький клочок

бумаги, на котором записал номер телефона.

– Все прошло лучше, чем я ожидал. Твоя мама, кажется, немного... подавлена. И она говорит, что это решение зависит от нас... просто оставь ее в покое некоторое время. Единственный раз она разозлилась, когда я предположил, что и *она* могла бы провести некоторое время с Кэтрин. Она сказала мне не лезть не в свое дело. И не в самых вежливых выражениях.

Он взял тарелки из маленького верхнего шкафчика – сложный процесс, который требовал сначала передвинуть миски с хлопьями и небольшой дуршлаг.

– Сара будет здесь с минуты на минуту. Почему бы нам всем не поужинать, и после ты могла бы позвонишь своей бабушке и рассказать ей новости? Я очень надеюсь, что она купила дом с хорошей просторной кухней.

В понедельник я встала еще до рассвета, с энергичностью, которая не часто бывает по утрам. Я приняла душ, оделась и постучала в дверь папиной комнаты. Он проснулся, но был этому не рад.

– Ты должен поторопиться, папа, а то мы опоздаем.

Он зевнул и, спотыкаясь, пошел в душ.

– Терпение, кузнечик. Это в пяти минутах ходьбы.

Когда я позвонила ей вечером рассказать о новостях,

Кэтрин объяснила, как добраться до дома, и спросила, не заедем ли мы позавтракать перед школой.

– Я знаю, что это не даст нам много времени, чтобы поговорить о *деле*. Я просто хочу тебя увидеть. Я так рада, что ты останешься здесь. И я хочу, чтобы ты познакомилась с Коннором. И с Дафной тоже, конечно.

У меня не было возможности спросить, кто такая Дафна, прежде чем она повесила трубку, но я узнала об этом в ту же секунду, как мы с папой вошли в парадную дверь огромного дома из серого камня. Большой ирландский сеттер вскочил, положил обе лапы мне на плечи и долго, влажно чавкал мне в лицо. У собаки были большие темные глаза и маленькие серые пятнышки на рыжеватой мордочке.

– Дафна, ужас какой, а ну слезь! Ты собьешь Кейт с ног! – Кэтрин рассмеялась и потянула собаку за ошейник. – Надеюсь, ты не боишься собак, дорогая. Она действительно милая, просто не думает, прежде чем прыгнуть. Она тебя не поцарапала?

– Нет, она классная! И довольно легкая для такой большой собаки.

– Да, она в основном состоит из меха. И, боюсь, она немного перевозбуждена. Ей пришлось сидеть взаперти в конуре, пока мы переезжали. Она так счастлива, что теперь у нее есть целый дом и двор, чтобы резвиться, поэтому ведет себя как щенок.

Кэтрин закрыла за нами дверь.

– Гарри, я так рада тебя видеть. Давай, клади свои вещи, и пойдем скорее на кухню, чтобы вы успели в школу.

Кухня представляла собой большое открытое пространство. Первые робкие лучи солнца пробивались через раздвижную дверь, которая вела в небольшой внутренний дворик. В дальнем конце комнаты было большое эркерное окно с мягким сиденьем, которое выглядело как идеальное место, чтобы полежать, свернувшись калачиком, с хорошей книгой в дождливый день.

– Гарри, наверное, помнит, что я самый ужасный повар в мире, – сказала Кэтрин. – Я решила, что лучше предложить тебе рогаликов, чем мучить бабушкиными попытками накормить черничными булочками. Есть сливочный сыр, фрукты, апельсиновый сок и кофе. И да, Гарри, у меня есть чайник для чая. «Эрл Грей» или «Английский завтрак»?

Я посмотрела в сторону стойки, куда она указывала, и сначала мне показалось, что за большой коробкой с рогаликами стоит лампа. Потом я поняла, что это медальон, сияющий так же ярко, как и в ресторане.

Я была удивлена, увидев, что папа перестал просматривать варианты рогаликов и поднял его, сказав:

– У тебя все еще есть это!

– О да, – ответила Кэтрин. – Он всегда со мной. Наверное, это мой счастливый талисман.

– Он навевает воспоминания. Кэти, я уверен, что ты совсем не помнишь этого, но ты была абсолютно очарована им,

когда была ребенком. Каждый раз, когда Кэтрин приходила в гости, ты забиралась к ней на колени и разглядывала его. Казалось, не было ничего, что нравилось бы тебе больше. Ты улыбалась и смеялась, будто эта штука была лучшей игрушкой в мире. Ты называла его...

– Голубой свет, – тихо произнесла Кэтрин.

– Точно, – сказал папа. – Сначала мы не были уверены в том, что ты говоришь, это звучало как «гобу-сет». Даже после того, как ты выучила все цвета, ты все еще называла его своим «голубым светом». Когда твоя мама или я поправляли тебя, ты очень серьезно произносила: «Нет, папа, это голубой свет». В конце концов, мы сдались, – он взъерошил мои темные волосы, как делал всегда, когда я была маленькой. – Ты была такой милашкой.

Он положил медальон обратно на стойку, и я взяла его, чтобы рассмотреть поближе. Он был удивительно легким для своих размеров. Я едва ощущала его в своей ладони. Из любопытства я коснулась сверкающего центра медальона кончиками пальцев и почувствовала внезапный, интенсивный импульс. Маленькие лучи света взметнулись вверх от центра под разными углами, и комната, казалось, растворилась на заднем плане. Я слышала, как папа и Кэтрин разговаривают, но их разговор звучал как приглушенное радио или телевизор, включенный в дальней части комнаты.

Кухня превратилась в вихрь образов, звуков и запахов, быстро проносящихся в моей голове: ветер, пшеничное по-

ле, большие белые здания, из которых раздавался гул голосов и которые, казалось, стояли у самого океана, темная яма, которая, вероятно, была пещерой, чей-то голос... детский? Рыдающий...

Потом я снова оказалась на пшеничном поле, и оно было таким настоящим, что я чувствовала запах зерна и видела маленьких насекомых и пылинки, висящие в воздухе. Я видела свои руки, тянущиеся к лицу молодого человека – темные, напряженные глаза смотрели на меня из-под длинных ресниц, черные волосы касались моих пальцев, когда я обводила контуры его загорелой рельефной шеи. Я чувствовала сильную хватку на талии, когда он притянул меня к себе, теплое дыхание на моем лице, его губы почти коснулись моих...

– Кейт? – голос отца прорезал туман, охвативший мой разум. Он взял меня за руку, в которой я держала медальон. – Кэти? Ты в порядке? – я глубоко вдохнула и положила медальон на стол, схватившись за стойку, чтобы сохранить равновесие.

– Эм... да, – я почувствовала, как румянец приливает к моим щекам. Я была уверена, что именно так я буду чувствовать себя, когда папа увидит, как я целуюсь с кем-то, что практически уже произошло, или мне так показалось. – Просто голова кружится... немного.

Кэтрин отодвинула медальон. Она побледнела и едва заметно покачала головой, когда я поймала ее взгляд.

– Я думаю, ей просто нужно позавтракать, Гарри. – Она взяла меня за руку и повела за обеденный стол.

Это было правильное решение. У меня сильно тряслись колени. Я никогда не испытывала галлюцинаций, а звуки и образы казались такими реальными, как будто все происходило в действительности.

Папа настоял на том, чтобы я сидела смирно, пока он принесет мне рогалик и сок. Он только вернулся к столу и начал одну из своих «а ты помнишь...» историй, когда высокий рыжеволосый мужчина неопределенного возраста появился в дверях.

– Доброе утро, Кэтрин.

– Коннор! – сказала Кэтрин. – Я как раз собиралась позвонить тебе и сказать, что приехали наши новые домочадцы. Этот джентльмен – Гарри Келлер. А это Кейт, моя внучка.

– Коннор Данн. Очень приятно с вами познакомиться, – он быстро пожал папе руку и повернулся ко мне. – И Кейт... я рад, что ты здесь. Нам предстоит много дел.

– Вам помочь с распаковкой вещей? – спросила я.

Коннор бросил на меня непонимающий взгляд, а затем снова посмотрел на мою бабушку.

– Коннор, – сказала она, – расслабься. У нас будет достаточно времени, чтобы обсудить организацию библиотеки, как только Кейт и Гарри вселятся. Возьми рогалик и наслаждайся утренним солнцем. Ты будешь рад, узнав, что на этот раз у них действительно был пумперникель.

Она повернулась к отцу и сказала:

– Коннор работал со мной последние два года, и я бы не справилась без него. Он помогал мне оцифровывать коллекцию, но мы были только на полпути, когда... – она задумалась, словно подыскивая нужное слово, – когда решили переехать.

– У вас много книг? – спросила я.

Папа усмехнулся, намазывая сливочной сыр на рогалик.

– Коллекция Кэтрин переплюнет весь Амазон.

Кэтрин рассмеялась и покачала головой, сказав:

– У меня не *так* уж много книг, но у меня есть много томов, которые вы не найдете ни там, ни где-либо еще.

– Что это за книги? – спросила я. – Если подумать, я действительно не знаю, чем ты занимаешься...

– Я историк, как и твоя мать. – Она сделала паузу. – Ты изумлена, что Дебора пошла в ту же область, что и я, не так ли? – Я *сама* удивилась, но не думала, что будет вежливым с моей стороны это озвучить. – Дебора боролась, но, боюсь, это наследственное. У нее не было выбора. Однако она изучает современную историю. Большинство моих исследований посвящено более отдаленным эпохам...

Коннор мягко усмехнулся – правда, я не поняла шутки, – а затем, схватив пару рогаликов из коробки, направился к одной из двух лестниц в фойе. Кажется, он был немногословным человеком с хорошим аппетитом.

– И я больше исследователь, нежели учитель, – продолжа-

ла Кэтрин. – Я не преподавала с тех пор, как умер твой дед.
– Дедушка и Пруденс? – я тут же пожалела о своих словах.
Тяжело говорить о смерти ребенка, даже спустя много лет.
Но если это и беспокоило Кэтрин, она не подавала виду:
– Да, конечно. И Пруденс.

После завтрака нам устроили грандиозную экскурсию, и Дафна побежала по лестнице следом за нами. Это был очень большой дом, одна изогнутая лестница вела направо, а другая, та, по которой шел Коннор, – налево.

– Жилые комнаты находятся на этой стороне. Каждому из вас мы выделили маленькие апартаменты. Но можем все переделать, если они вам не подойдут, – мы прошли по коридору, и она указала мне на апартаменты, которые были размером с весь наш коттедж в Брайр Хилл. Затем она исчезла в коридоре, беседуя с папой.

Я вошла в главную комнату апартаментов, выкрашенную в бледно-голубой цвет. В центре стояла кровать с балдахином, из кованого белого железа с орнаментом в виде завитков, покрытая светло-голубым ситцевым одеялом. Она выглядела гораздо удобнее папиного раскладного дивана. Я присела на край матраса и осмотрелась. Справа от кровати располагались отдельная ванная комната и гардеробная, а слева – гостиная зона с диваном, письменным столом и двумя высокими окнами, выходящими на задний двор. Комната была красивой и просторной, но я все же была рада, что не покину навсегда свой маленький уголок в старом доме. Я

любила свои светящиеся в темноте звездочки, беспорядок и окно в крыше, и я не была уверена, что смогу называть эту новую комнату *своей* в полной мере.

– Так... тебе нравится? – я слегка вздрогнула, увидев в дверях Кэтрин. Выражение моего лица, очевидно, было достаточным ответом, потому что она продолжила: – Я послала твоего отца на чердак кое-что проверить. Надеюсь, он отвлечется на тот бардак и у нас будет пара минут, чтобы поговорить. В ближайшие месяцы у нас будет больше работы, чем ты можешь себе представить, моя дорогая. – Она присела на край кровати, поставив между нами сумку на молнии, в которой лежала маленькая коричневая книжка. – Так много зависит от тебя и твоих способностей, а мы даже не начали упражняться. Я просто думала, что у нас будет больше времени.

– Мои способности? Это как-то связано с медальоном?

Кэтрин кивнула:

– Так и есть. И с твоими так называемыми паническими атаками. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это в одиночку. Я знаю, это было страшно.

Я скривилась:

– Это было ужасно. Я чувствовала, будто что-то идет не так. Действительно не так. Но я не знала... *не знаю*, что именно. Каждая моя клеточка просто... я не знаю... кричала, что что-то не на месте, не в порядке. И не то, чтобы это прекратилось... Скорее, просто утихло. Что бы то ни было,

оно все еще не... в порядке, но я к этому привыкла, кажется? Это тоже неправильно. – Я покачала головой. – Я не могу этого объяснить.

Кэтрин взяла меня за руку. – Первый раз это случилось второго мая прошлого года, верно? А затем повторилось днем пятнадцатого января?

Я была в замешательстве.

– Да. Папа сказал тебе точное время? – Я была удивлена тому, что он точно запомнил даты.

– Ему не пришлось. Я тоже это почувствовала. Но у меня было преимущество. Я сразу поняла, что испытываю временную аберрацию¹.

Я чувствовала, что удивленно поднимаю бровь, но старалась сохранять нейтральное выражение лица. Было так приятно знать, что хоть кто-то верил, что это не панические атаки, но что, черт возьми, Кэтрин имела в виду под временной аберрацией?

– И в отличие от тебя, – сказала Кэтрин, – у меня был медальон. Ты, должно быть, была напугана до полусмерти. – Взгляд ее голубых глаз смягчился. – Знаешь, ты похожа на нее.

– На мою маму?

– Ну да, немного. Но больше похожа на Пруденс. Они с твоей мамой не однайцевые близнецы. Хотя глаза у тебя отцовские. Этот зеленый цвет ни с чем не спутаешь, – тон-

¹ Абберрация – отклонение от нормы; ошибки, нарушения, погрешности.

кая рука Кэтрин потянулась, чтобы заправить один из непослушных темных локонов, которые постоянно выбиваются, какой заколкой не удерживай.

– Волосы Деборы послушнее, а у тебя дикая шевелюра Пру. Я никак не могла распутать твои колтуны.

После долгой паузы она улыбнулась и покачала головой, возвращаясь к реальности.

– Я зря теряю время, – она понизила голос и быстро заговорила, – Кейт, это случится снова. Я не знаю, когда произойдет следующий временной сдвиг, но подозреваю, что это произойдет очень скоро. Я не хочу тебя пугать, но ты единственная, у кого есть возможность все исправить. И ты должна все исправить. Иначе все – и я имею в виду абсолютно *все* – будет потеряно.

Кэтрин передала книгу мне в руки и встала, собираясь уходить.

– Прочти ее. Скорее всего, она не поможет тебе разобраться в том, что с тобой происходит, но я думаю, так ты быстрее убедишься, что все это правда.

Она подошла к двери и оглянулась, очень строго сказав:

– И ты ни в коем случае не должна прикасаться к медальону снова, пока не будешь готова. Я сделала ошибку, оставив его на стойке, но я и понятия не имела, что ты сможешь его запустить, – она резко покачала головой. – Ты едва не покинула нас, юная леди, и, я боюсь, ты *не смогла бы* найти дороги назад.

Мы с папой успели к школе всего за пару минут до звонка. По дороге он говорил о телескопе, который был установлен на чердаке у Кэтрин, оставленный предыдущими владельцами. «Сейчас в округе Колумбия было слишком светло, чтобы от этой штуковины был какой-то толк, но, когда дом был только построен, все было иначе», – сказал он. Я кивала в нужных местах, почти не слушая.

В тот день мне было очень сложно сосредоточиться на уроках. Тригонометрия или английская литература едва могли меня заинтересовать, когда столько мыслей проносилось в моей голове. В один момент я напредила себе, что у Кэтрин *правда* опухоль мозга и ее разговоры могли быть результатом чрезмерного давления на гиппокамп или что-то в этом роде. А потом вспомнила ощущение от прикосновения к медальону – грохот, запах поля и тепло *его* кожи, – и я безо всяких сомнений знала, что моя бабушка говорит правду, что приводило к вопросу о том, как, черт возьми, я должна все исправить. А затем, через минуты две, я снова начала сомневаться во всем происходящем.

Когда прозвенел звонок, я остановилась у папиного кабинета, чтобы быстро обнять его, а затем поспешила к станции метро, надеясь, что для разнообразия успею на занятие по карате. Я опустилась на свободное место в вагоне и, недол-

го думая, положила рюкзак рядом с собой, чтобы отвести сомнительных попутчиков, как учила меня мама, на случай, если еду одна. В транспорте все равно было пусто – только девушка пилила ногти, слушая музыку на iPod, и мужчина средних лет с тяжелой папкой документов уставился в окно.

В это время дня поездка обычно занимала не больше пятнадцати минут, и я просто надевала наушники и отключалась, разглядывая граффити на зданиях первые пару минут, пока поезд не погружался под землю. Некоторые из рисунков были там уже очень давно, со свежими слоями краски поверх старых, выцветших изображений.

Время от времени владелец здания закрашивал стену, но художники вскоре возвращались, привлеченные свежим чистым холстом. Только полдюжины зданий оставались чистыми. Некоторые, как склад шин, строили высокие заборы с колючей проволокой вокруг стены, обращенной к рельсам. Киристский храм, мимо которого мы проезжали, тоже был чистым... ослепительно белым, как и все их здания, которые регулярно окрашивались членами церкви и, по слухам, охранялись большими и агрессивными доберманами.

Однако сегодня я была слишком рассеянна, чтобы обращать внимание на городской пейзаж. Я осторожно вынула из пакета книгу, которую дала мне Кэтрин. Обложку явно помотало время, и, кажется, не раз ее латали липкой лентой, как старые книги в школьной библиотеке. Книга была похожа на что-то вроде дневника, и так оно и было: открыв ее, я

увидела исписанные листы.

Бумага была в удивительно хорошем состоянии по сравнению с обложкой. Она нисколько не пожелтела. Сначала я решила, что новые страницы были переплетены внутри старой обложки по какой-то причине, но, когда я пробежала пальцами по линованной бумаге и пригляделась, стало заметно, что это маловероятно. Страницы были очень толстыми. Даже толще картонной бумаги. Судя по весу книги, в ней должно было быть не меньше ста страниц, но я быстро подсчитала, и их оказалось всего около сорока. Я осторожно согнула уголок листа и была удивлена, увидев, как странная бумага резко распрямилась, даже не сморщившись. Я попыталась оторвать маленький кусочек от края, но безуспешно. После нескольких экспериментов с книгой я пришла к выводу, что на бумаге не выйдет писать шариковой ручкой, карандашом или маркером. Вода сразу же пошла бисером, хотя поверхность не казалась ламинированной. Жевательная резинка на мгновение прилипла, но быстро отклеилась, не оставив следов. Спустя несколько минут я сделала вывод, что эту штуку ничем не повредить. За исключением огня, возможно, но я не могла проверить этого в метро.

Затем я начала изучать надписи на страницах и заметила, что только первая четверть дневника была использована. Каждая из исписанных страниц, за исключением первой, казалось, начиналась с оборванной фразы. И между страницами не было никакой связи. Это определенно была

очень странная маленькая книжка. Единственное, что казалось нормальным в дневнике, нашлось внутри обложки, написанное уже выцветшими чернилами:

Кэтрин Шоу

Чикаго, 1890 год

Поезд приближался к моей остановке. Я сунула книгу обратно в пакет и остановилась, чувствуя, что за мной наблюдают.

Это, вероятно, было не слишком удивительно, учитывая, что я не единожды пыталась искалечить книгу. Странное поведение, даже по стандартам метро.

Я подняла глаза и увидела двух молодых людей, сидевших теперь в самом конце вагона, в трех рядах от меня. Я не могла припомнить, чтобы кто-то садился в вагон на последней остановке, и хотя я должна признать, что была немного занята, я не могла избавиться от чувства, что они просто появились из ниоткуда. Они стояли лицом ко мне, и я их ясно видела. Один из них был немного полноват, примерно моего возраста, с темно-русыми волосами и желтоватой кожей, которая выглядела так, будто он редко выходил из дома. Эмблема на его поношенной футболке напоминала обложку му-

зыкального альбома, но я никак не могла понять, что это за группа. Его взгляд метнулся к коленям, и он начал что-то записывать в маленьком блокноте, как только я посмотрела в их сторону.

Второй парень был высоким, на несколько лет старше, очень красивым, с длинными черными волосами. Я почувствовала, как медленный румянец разливается по моим щекам, когда узнала те же темные глаза, которые увидела, когда прикоснулась к медальону.

По рукам побежали мурашки, когда я вспомнила тепло его кожи под пальцами, ощущение руки на талии и тепло, которое пробежало по моему телу от прикосновения. Я не могла представить, как ему удалось выбраться из моей галлюцинации и войти в метро, но я была абсолютно уверена, что это был тот же самый парень.

Теперь он выглядел немного старше, чем когда я видела его на поле, лицо выражало странную смесь печали, страха и той самой тоски, которую я помнила из видения. Он вцепился в обивку сиденья и не отвел взгляда, даже когда другой парень резко толкнул его локтем. Я наконец-то прервала наш зрительный контакт.

Поезд начал замедлять ход почти сразу же после того, как я опустила глаза, и я снова быстро взглянула туда. Двери еще не открылись, и прошла всего секунда, но их уже не было.

Я подошла к скамье, на которой они сидели, и протянула руку, ожидая наткнуться на твердую материю (или лишиться-

ся пальца), но там было пусто. Я была почти уверена, что они мне просто померещились, но две вмятины на оранжевой виниловой подушке метро постепенно разглаживались, как всегда, когда кто-нибудь поднимался. Я провела пальцами по краю подушки, которую так крепко сжимал высокий молодой человек, и обнаружила, что она все еще хранила тепло его руки.

Я пришла на занятие по карате с опозданием на несколько минут и проскользнула на свое привычное место рядом с Шарлейн. В течение следующего часа мы практиковались в наших рутинных упражнениях, и физическая нагрузка вытеснила события последних нескольких дней из моего сознания (почти). Обычно я могла побороть Шарлейн, наверное, потому что я начала заниматься годом раньше нее, но в тот день меня дважды опрокинули, и вскоре у меня появился красивый, яркий синяк на правом бедре от довольно коварного удара ноги Шарлейн.

Мы выполняли упражнения до самого конца занятия. Когда мы направлялись к выходу, Шарлейн повернулась ко мне, спросив:

– Ну что? Что случилось? Ты не ответила ни на одно мое сообщение...

Я все еще не была уверена, как много я действительно могла бы объяснить без того, чтобы Шарлейн не решила, что я свихнулась. Поэтому я решила обратиться к нашей с ней дурацкой шутке:

– Позвольте мне объяснить... Нет, это слишком. Позвольте мне *подвести итог*.

Шарлейн закатила глаза. Я могла бы процитировать «Принцессу-невесту» практически от начала до конца.

– Ну ладно, подведи итог, Иниго Монтойя. Что произошло?

Я достаточно хорошо знала Шарлейн, чтобы быть уверенной, что она в конце концов вытянет из меня всю историю.

Если она решит, что я храню хотя бы намек на тайну, то не успокоится, пока не убедит меня выложить все пикантные подробности.

– Ладно, слушай. Моя бабушка умирает, она оставляет мне большой дом, много денег, и мы с папой собираемся переехать к ней на год. Я унаследовала от нее особую способность, которой она должна научить меня пользоваться, чтобы спасти наш мир, каким мы его знаем. Или что-то в этом роде. И я почти разделила поцелуй с тем, кто, как мне кажется, мог оказаться призраком, который исчез в метро.

– Ты чуть не поцеловала кого-то в метро? Он был милым? – Шарлейн достаточно сфокусировать свое внимание на этом.

Наличие трех старших братьев означало, что в ее доме постоянно был поток парней и она держала нескольких из них на веревочке. Целью ее жизни было убедиться, что я полностью соответствую своему личному романтическому потенциалу, но до сих пор ее попытки свести меня с кем-то кончались сплошными катастрофами.

– Да, он был симпатичным, – ответила я. – И я чуть не поцеловала его *не* в метро. Это случилось на кухне моей бабушки или где-то на пшеничном поле. Вероятно, и там, и

там.

Последовала долгая пауза, во время которой Шарлейн просто смотрела на меня.

– Окей. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понять, что ты не станешь лгать мне, Кейт. Значит, дело в сумасшествии, тяжелых наркотиках... – Она сделала паузу. – Или ты говоришь правду. Мне понадобится больше, чем версия «позвольте мне подвести итог», чтобы понять все это.

– Тогда мы сможем разобраться во всем этом вместе, потому что я и сама не совсем уверена, – я вытащила дневник из рюкзака. – Я очень надеюсь, что это поможет.

Мама несколько не удивилась, что мы проглотили всю пищу, а потом схватили содовую и направились обратно в мою комнату. Мы *всегда* так делаем, когда Шарлейн остается у меня ночевать. Она также не слишком удивилась бы, увидев нас сгорбившимися над книгами, так как мы часто делаем вместе домашнее задание. Но она бы точно удивилась, если бы заглянула внутрь и увидела нас, прижавшихся друг к другу, держащих зажженную спичку над каждой из страниц, казалось, очень старого дневника. Я потушила спичку:

– Окей. Ты тоже не смогла его сжечь.

– Но зато из-за огня от него забавно пахнет, – заметила Шарлейн. – И обложка... ее получается поджечь, и на ней

можно писать, да и вообще делать все что угодно. Это странно. Почему же обложку не сделали такой же неуязвимой, как и страницы? Обложка ведь должна защищать книгу.

– Верно, – я на секунду задумалась. – Но... ты никогда не прятала книгу, которую *хочешь* прочесть за обложкой той, что *нужно* прочесть?

– Ну, бывало. Но...

– Возможно, автор хотел, чтобы другие принимали эту книгу за обычный дневник. Взгляни на дату внутри: 1890. Не похоже на то, чтобы такое могло существовать в 1890-м.

– Не похоже на то, что такое могло бы существовать *сейчас*, – сказала Шарлейн. – А ты не можешь просто позвонить своей бабушке и спросить?

– Могу. Но она сказала, что я скорее задамся большим количеством вопросов, чем найду ответы. Мне кажется, она хочет, чтобы я попыталась разузнать что-нибудь самостоятельно, если у меня это получится, конечно.

Шарлейн протянула руку и пальцем поскребла маленькую шишечку, торчащую из-под ткани на переплете книги:

– Что это? Что-то застряло под обложкой, – ей пришлось немного потянуть, но потом она вынула маленькую ярко-желтую палочку, примерно вдвое толще зубочистки, с заостренным черным кончиком. – Это крошечный карандаш.

Я взяла палочку, чтобы рассмотреть ее поближе:

– Да, похоже на карандаш, но... смотри, грифель не со-

скребешь. Думаю, это стилус. Как на старом мамином планшете. Ты такие видела. Просто нажимаешь на экран вот так, и...

Я взяла книгу и приложила кончик к первой странице. Строки рукописного текста медленно поползли вверх.

– Ну, вот. Это не книга. Это что-то вроде портативного компьютера.

Шарлейн была озадачена.

– Но почему? – спросила она. – Почему бы просто не взять с собой ноутбук или iPad? Не понимаю.

– Если только это не 1890 год и ты не хочешь привлекать к себе внимание, – я закрыла обложку, и книга снова стала похожа на старый дневник. – Если только ты не хочешь, чтобы люди узнали, что ты не один из них.

– Жуть. Я никогда не видела ничего подобного. Как у твоей бабушки оказалось что-то подобное? Ты говорила, что она историк. Как и твоя мама, верно?

Я снова открыла дневник и провела пальцем по имени, напечатанному на внутренней стороне обложки:

Кэтрин Шоу

Чикаго, 1890 год

– *Возможно*, это совпадение, что мою бабушку зовут Кэтрин, но я так не думаю. И да, она историк, но я начинаю подозревать, что быть историком значит для нее совсем не то, что для мамы. – Я открыла случайную страницу, потыкала по верхнему краю стилусом и стала наблюдать, как текст прокручивается вниз, останавливаясь в начале записи.

15 мая 1893 года

Чикаго, штат Иллинойс

Мы прибыли на рассвете и слились с толпой, идущей от железнодорожного вокзала. Расчеты были верны, хотя местность оказалась не такой закрытой, как мы полагали. Город переполнен, и мы приземлились недалеко от входа в самую популярную достопримечательность, так что в будущем можно было бы предусмотреть еще одну точку входа.

Люди со всего мира съехались в Чикаго, чтобы увидеть новое чудо – огромное колесо с закрытыми кабинками, которые, вращаясь, будут поднимать пассажиров высоко в

небо. Он откроется не раньше чем через месяц, но здесь всегда стоит огромная толпа, разглядывающая гигантское колесо, созданное мистером Джорджом Феррисом. Есть надежда, что колесо будет достаточно величественным, чтобы превзойти чудо предыдущей экспозиции в Париже – сказочную башню месье Эйфеля.

Я представила свое рекомендательное письмо Совету Управляющих Леди сегодня утром, и оно было принято без всяких вопросов. Запрос на фоновую обработку «Инфанта». Некоторые женщины обсуждали ее предстоящий визит на выставку.

– А это что такое? – Шарлейн указала на маленькую звездочку над выделенным текстом.

Я пожала плечами и один раз коснулась стилусом символа. Ничего. Я коснулась дважды, и тут же открылось маленькое информационное окошко в верхней части рукописной страницы:

Инфанта Эулалия (1864–1958): дочь испанской королевы Изабеллы и Франциска, герцога Кадисского. Полное имя: Мария Эулалия Франциска де Асис Маргарита Роберта Изабель Франциска де Паула Кристина Мария де ла Пьедрад. Продвигала прогрессивные взгляды на права женщин в своих более поздних работах. Внимание: визит Инфанта взъерошит перья Чикагского общества. Часто можно было за-

стать за поеданием сардельки или курением сигареты в Павильоне Германии, во время посещения официальных мероприятий. Супруга чаще всего можно найти в Мидуэй-Плейзанс².

– Ничего не поняла, – сказала Шарлейн, когда мы закончили читать запись. – Если у Кэтрин был ответ на этот вопрос прямо здесь, то почему она обратилась с запросом?

– Понятия не имею. Может быть, она добавила информацию позже? – я закрыла всплывающее окно, и мы вернулись к чтению записи в дневнике.

Я провожу вторую половину дня в Женском Павильоне, где планирует начать свою сессию Всемирный конгресс репрезентативных женщин. Женский Павильон считается чем-то удивительным сам по себе – он был построен по проекту 36-летней женщины-архитектора Софии Хейден. Сол сможет принять участие сегодня немного позже, поскольку в министерстве запланированы выступления на тему женщин, но большую часть дня он проведет в другом конце ярмарочной площади, участвуя в совещании по планированию Сентябрьского парламента мировых религий.

После полудня.

² Мидуэй-Плезанс – искусственный парк в Чикаго, созданный для Всемирной колумбийской выставки 1893 года. В этом парке располагался городок развлечений.

Я видела только пару активистов. Либо они не приехали, либо (мудро) решили пропустить эту сессию. Приветственные речи в действительности были даже длиннее, чем казались на бумаге. Я думала, что представления различных иностранных сановников никогда не закончатся.

Произнесение речей и вид толпы в Мидуэй-Плейзанс.

ХРОНОС файл КШ04012305_05151893_1 загружен.

ХРОНОС файл КШ04012305_05151893_2 загружен.

Сохранен личный файл КШ04012305_1.

Я попыталась постучать по каждой записи стилусом, но никакой реакции не последовало, и на полях не появилось никаких маленьких символов.

– Если файлы – это ссылки, я не могу понять, как их открыть. Наверное, мне придется спросить Кэтрин.

– Второй набор цифр... – Шарлейн указала на названия файлов, – это же дата записи, верно? 15 мая 1893 года.

Я перевернула несколько страниц и кликнула, быстро просматривая записи. Каждая из заполненных страниц содержала записи за целый год. К большинству записей был прикреплен файл ХРОНОСа, и последние цифры всегда соответствовали дате. Обычно было несколько наборов ежедневных записей, а затем промежуток в месяц или около того. Большинство из них были написаны в Чикаго. Последние два были из Нью-Йорка 21 апреля 1899 года и из Сан-Франциско 24 апреля 1899 года.

– Должно быть, КШ – ее инициалы, – сказала Шарлейн. – И... первая группа чисел также соответствует формату дат, но... – она потянулась за дневником, и я отдала ей его вместе с маленьким стилусом.

Через несколько секунд она нахмурилась и сморщила лоб.

– Не работает, – она провела пером по краю страницы, как и я, но текст не сдвинулся с места. Это была статичная страница рукописного текста. – Может быть, батарейка села или что-то еще? – спросила она.

Я взяла у нее книгу, провела стилусом по краю, и снова страница сдвинулась. Шарлейн выглядела немного раздраженной из-за того, что у нее не получилось заставить дневник работать, но в итоге только пожала плечами.

– Наверное, он просто вредный, как сенсорная панель на ноутбуке моего брата. Она тоже никогда не срабатывает, когда мне нужно.

Я просмотрела все записи, и Шарлейн оказалась права насчет дат. Первые две цифры в каждой записи всегда были от 01 до 12, а вторые две цифры всегда были между 01 и 31.

– Итак, похоже, что в 1890-х кто-то пытался слиться с толпой, замаскировав высокотехнологичное устройство под рукописный дневник. И у нас есть два набора дат, один из прошлого и один из будущего. Если мы читаем это правильно и если это не какая-то искусная подделка, то это записи из 1890-х, записанные кем-то в 2304-м и 2305-м годах.

Шарлейн кивнула:

– Если это не какая-то искусная подделка, то да. Однако я все еще не исключаю этого варианта.

Я натянуто улыбнулась ей.

– Тебя сегодня не было в поезде. Эти два парня просто испарились.

– А ты уверена, что просто не отпугнула их взглядом снежной королевы, как сделала это с Ноланом? – Я бросила в нее подушку, и она со смехом пригнулась. Нолан, друг брата Шарлейн, стал жертвой ее последней попытки исправить мою личную жизнь. Славный парень, очень милый, и в голове у него нет ничего, кроме футбола. Оглядываясь назад, понимаю, что могла бы быть более дружелюбной, но не видела смысла начинать что-то. И к тому времени, как мы покончили с пиццей, стало ясно, что мы с Ноланом совершенно не подходим друг другу.

Я положила дневник обратно в пакет и засунула в рюкзак.

– Нам нужно поспать. У меня как минимум тысяча вопросов, которые нужно задать Кэтрин завтра после школы, и если мы продолжим просматривать этот дневник, то список только увеличится. И если завтра ты появишься с мешками под глазами, твоя мама никогда больше не позволит тебе остаться у меня на ночь в будни.

Однако прошло немало времени, прежде чем я заснула. Каждый раз, когда я пыталась это сделать, яркие ощущения от медальона всплывали в сознании, и волнующие страстные темные глаза следили за мной, как только я погружалась в

Утро наступило гораздо быстрее, чем хотелось бы мне или Шарлейн. Я вдохнула прекрасные ароматы завтрака и побежала к метро, которое было так переполнено, что мне пришлось стоять. Толпа рассеивалась по мере того, как поезд удалялся от города. Я опустилась на первое свободное сиденье, надев наушники, чтобы заглушить болтовню в метро.

Я не сразу заметила бледного, пухлого молодого человека, так как он стоял позади меня. Однако через несколько минут после того, как я села, я мельком заметила в зеркале безопасности левую сторону его лица. Я немного сдвинулась, чтобы получше его рассмотреть. Он был одет в ту же рубашку, что и накануне, и, казалось, не замечал ни зеркала, ни того факта, что я за ним наблюдаю. Я огляделась, чтобы посмотреть, нет ли поблизости высокого темноволосого парня, и даже вытащила свое ручное зеркальце, якобы чтобы поправить прическу, но не смогла его найти. Однако поленький явно наблюдал за мной.

Следующая остановка была не моей, но я встала как раз в тот момент, когда последний пассажир выходил из вагона, и направилась к ближайшей двери. Прежде чем я успела дойти до выхода, Пухляк оказался рядом со мной. Я почувствовала руку на своем плече, и что-то холодное и твердое больно

впилося мне в ребра, в то время как последние пассажиры, выходявшие на остановке, проходили мимо меня.

Он шепотом произнес: «Отдай мне рюкзак, и ты сможешь уйти. Мне не нужны неприятности. Простоними его с плеч и отдай мне».

В обычной ситуации я бы просто отдала его, без вопросов, без колебаний. Первый урок самообороны состоит в том, чтобы не спорить с человеком, держащим пистолет. Но там был дневник. Лицо пухлого внезапно оказалось в сантиметрах от моего, и я почувствовала острую боль в пальцах ног, когда он с силой наступил на них. Он прошептал мне на ухо: «Я могу застрелить тебя и уйти прежде, чем кто-нибудь узнает, что случилось».

«Двери закрываются. Двери закрываются» – прозвучало в вагоне. Стук моего пульса эхом отдавался в ушах, когда Пухляк потянул меня к двери, просовывая ногу, которая только что искалечила мои пальцы, между дверями метро, чтобы держать их открытыми. Я бросила на него сердитый взгляд, затем сняла рюкзак с плеч и протянула ему. Он протиснул свое пухлое тело в дверь, с силой толкнув меня назад в поезд, а затем исчез во вспышке синего света.

Я упала на двух других пассажиров. Один из них был в наушниках и, должно быть, пропустил всю сцену. Он выглядел раздраженным только моей неуклюжестью. Но женщина явно наблюдала за нами.

– С тобой все в порядке? – спросила она. – Может, мне

вызвать охрану?

– Кейт! – Голос, прозвучавший у меня за спиной, был низкий, с легким незнакомым акцентом, но я уже знала, кто это, до того как обернуться. Первым импульсом было бежать. Не то чтобы в закрытом вагоне метро действительно было куда идти. Но, когда он подошел ближе, я заметила знакомое сияние свечения, пробивающееся через ткань его рубашки. Он взял меня за руку и потянул к сиденью в нескольких метрах от входа.

Я села, затем резко повернулась к нему лицом.

– Кто ты такой, черт возьми? Почему ты преследуешь меня и почему твой друг забрал мой рюкзак? И как тебе удалось получить *это* от моей бабушки? – я ткнула пальцем в то место на его рубашке, где виднелся свет медальона.

Он на мгновение задумался, обдумывая шквал вопросов, а затем одарил меня кривоватой улыбкой.

– Хорошо. Я отвечу на них по порядку. Меня зовут Кирнан Данн, – представился он. – Я не следил за тобой. Я следил за Саймоном. Меня здесь вообще не должно быть. Саймон – парень, который забрал твою сумку, не мой друг, Кейт. А этот ключ, – ответил он, указывая на медальон на своей груди, – не из коллекции твоей бабушки. Он принадлежал моему отцу.

Он поднял руку, и я инстинктивно дернулась. Его взгляд стал печальным, а улыбка исчезла, когда он медленно провел рукой по правой стороне моего лица кончиками пальцев.

– Никогда не видел тебя такой юной. – Он протянул руку и стянул ленту с моих волос так, что они упали на плечи.

– *Теперь* ты больше похожа на мою Кейт.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку и продолжил, но уже быстрее:

– Мы уже близко к твоей станции. Иди прямо к дому своей бабушки и расскажи ей, что случилось. По крайней мере, у тебя все еще есть это, – он коснулся черного шнура на моей шее. – Всегда держи при себе ключ ХРОНОСа.

– Ключ ХРОНОСа? У меня нет...

– Медальон, – сказал Кирнан, снова касаясь шнура.

– У меня *нет* медальона, – я вынула шнурок из-под своей блузки. На нем был прозрачный пластиковый футляр, в котором лежали мое школьное удостоверение, пропуск в метро, несколько фотографий и два ключа: один от папиного коттеджа, а другой – от нового дома. Я перевернула держатель так, чтобы он мог рассмотреть обычные металлические ключи под всеми карточками. – И это единственные ключи, что у меня есть. Не мог бы ты перестать говорить загадками?

Кирнан внезапно побледнел, в его глазах появилась паника.

– Он был в сумке? Ты должна держать его *при себе*.

– Нет, – повторила я. – У меня *нет* медальона. И я была уверена, что существует только один, и, насколько мне известно, он находится в доме бабушки.

– Но почему? – спросил он. – Почему, черт возьми, она

отправила тебя безо всякой защиты?

– Я не знаю, как им *пользоваться*! Вчера я чуть не... – я смутилась, вспомнив сцену на кухне. – Я видела *тебя*, когда держала его в руках. Почему? Кто ты такой?

Поезд начал замедлять ход. Кирнан прикрыл глаза и помассировал пальцами виски, прежде чем посмотреть вверх и покачать головой.

– Я не планировал этого, Кейт. Тебе придется бежать. Возьми такси. Угони машину. Все, что угодно, но доберись до ее дома как можно быстрее и *оставайся там*.

Он повел меня к дверям, а затем повернулся, притянув меня к себе.

– Я попытаюсь их задержать, но я не знаю точно, что они планируют, поэтому понятия не имею, сколько времени у тебя осталось.

– Времени для че... – меня прервали, его губы встретились с моими, мягко, но настойчиво. Тело охватили те же самые ощущения, что и раньше, когда я держала медальон: сердце колотилось, и я не могла дышать, не могла двигаться, не могла думать.

Через мгновение он отстранился, легко улыбаясь.

– Не таким должен был быть наш первый поцелуй, Кейт. Но если ты не поторопишься, то он наверняка станет нашим последним. Беги. *Сейчас же*, беги.

Когда поезд замедлил ход, Кирнан потянулся к медальону под рубашкой и сжал его. Темно-зеленая лента, которую он

стянул с моих волос, теперь была на его запястье. И потом он исчез.

Двери метро со звоном распахнулись, и я побежала.

Разумеется, снаружи, вне станции, не было такси. Судя по расписанию, автобус прибудет только через двадцать минут, и я не была уверена, что смогу пробежать больше двух километров в нынешнем состоянии. Вдобавок ко всему пальцы ног чертовски болели после того, как их оттоптал Пухляк. Я проковыляла три квартала в противоположном направлении от «Мэрриота» и, бросив панический взгляд на пустую стоянку такси, с облегчением заметила, что одно из них как раз подъезжает к тротуару.

Я скользнула на заднее сиденье и назвала ему адрес.

– Деньги у тебя где припрятаны-то, малая? Потому что я не вижу ни сумочки, ни кошелька, а сейчас час пик.

– У меня *экстренная ситуация*. Мне нужно добраться до Олд Джорджтауна в Северной Батесе, и как можно быстрее. Моя бабушка вам заплатит.

Он выглядел так, как будто собирался и дальше ворчать, но что-то в моем выражении лица, должно быть, убедило его завести машину и выехать обратно на главную дорогу. Он ехал так быстро, как только позволяло движение, которое часто было не быстрее моего бега. Я в отчаянии стиснула зубы.

– Ты же не бежишь от копов или чего-то в этом роде? – спросил он, глядя на меня через зеркало заднего вида. – Знаешь, что-то мне подсказывает, что ты пытаешься от кого-то

сбежать.

— Я бежала, чтобы поймать такси и доехать до дома моей бабушки. Она... больна, ясно?

— Да, конечно, — он свернул на следующем повороте. — Хорошо, Красная шапочка. Я привезу тебя к бабушке раньше, чем большой злобный волк успеет ее съесть. Но ей лучше поискать немного денег в своей корзинке, иначе я сам вызову копов.

Я закатила глаза от его блестящего остроумия и откинулась на спинку сиденья. Я не знала, почему Кирнан думал, что я в опасности, но в его глазах не было ни малейшего сомнения. Я поднесла пальцы к губам, вспоминая его поцелуй. Это был не просто *наш* первый поцелуй, а мой первый поцелуй в жизни. Даже с моим полным отсутствием опыта я могла сказать, что за ним стояли сильные чувства. Он знал меня, так или иначе, откуда-то или когда-то, и он заботился обо мне. Как бы странно ни было думать, что у меня есть прошлое (или это было будущее?), которое не удастся вспомнить, я не сомневалась в том, что Кирнан очень боялся за меня. Я вцепилась в край своей клетчатой юбки, когда такси медленно подъехало к дому Кэтрин, надеясь, что найду ответы внутри.

Я вышла из такси прежде, чем оно успело полностью за-

тормозить. Подбежала к двери и отчаянно заколотила в нее. Через несколько мгновений Коннор выглянул в окно.

– Где Кэтрин? Впусти меня.

– Да, конечно!

– Ты можешь заплатить за такси? Он украл мою сумку.

Коннор озадаченно взглянул на меня.

– Водитель?

– Нет. Парень из метро.

Дафна громко лаяла, и Коннор удерживал ее за ошейник, чтобы она не выскочила за дверь.

– Да, да, я заплачу ему. Держи Дафну, – он схватил туфли из шкафа в прихожей. Водитель начал сигналить, провоцируя Дафну и заставляя ее лаять громче. – Кэтрин! Спускайся вниз! – крикнул Коннор, направляясь к двери. – Кейт здесь.

Кэтрин показалась на лестнице через несколько минут, натягивая халат поверх ночной рубашки, и поспешила вниз, чтобы поприветствовать меня.

– Кейт! Почему ты не в школе, дорогая? Ты выглядишь напуганной. Да что же это такое? Сядь, пожалуйста, – она указала на диван и похлопала себя ладонью по бедру. – Дафна! Гулять!

Она подвела Дафну к кухонной двери, и я села, пытаюсь отдышаться. Я сняла ботинок, чтобы осмотреть пальцы ног, раздавленные... Саймоном, как назвал его Кирнан, хотя для меня он оставался Пухляком. Два пальца на ноге были бордово-красными, а один ноготь был так сильно придавлен, что

практически отслоился у самого основания. Я стиснула зубы и содрала его, чтобы он не цеплялся за носок. Коннор зашел в дом как раз в тот момент, когда Кэтрин вернулась из кухни. Я заметила, что мягкое голубое свечение пробивается из кармана его джинсов, и с облегчением поняла, что медальон у него. Мне и в голову не приходило, что он тоже может быть в опасности.

Он сел в кресло напротив дивана.

– Ты выяснила, кто ее ограбил?

– *Ограбил?* – воскликнула Кэтрин. – Кейт, что произошло? Ты в порядке?

– Я в порядке, – сказала я, осторожно натягивая носок. Стянув и вторую туфлю, бросила обувь под кофейный столик. – Но теперь у какого-то парня из метро твой дневник. Ну, еще мой iPod и учебники. Мне очень жаль, Кэтрин. Я бы попыталась отбиться от него, но в метро было полно народу и... у него был пистолет. Или что-то похожее на пистолет, упирающееся мне в бок.

– Не говори глупостей, – сказала она. – Ты поступила правильно. У меня здесь есть еще несколько дневников, и этот том хранится в компьютере.

Коннор кивнул, сказав:

– Мы можем отследить и оригинал, так что, возможно, нам удастся вернуть его обратно. В любом случае, я сомневаюсь, что грабитель заинтересуется просмотром старого дневника. И он не сможет его активировать.

– И часто такое случается в метро? – спросила Кэтрин.

– Что? – я покачала головой. – Нет. То есть да, людей иногда грабят. Меня никогда раньше... в общем, в метро безопасно. Но это был не просто воришка, схвативший случайный рюкзак. Он знал, что делает. Ему нужен был дневник. Он видел меня с ним вчера. И я думаю, что у него был медальон, как у тебя.

Кэтрин скептически посмотрела на Коннора, потом снова на меня.

– Ты уверена? Я не думаю, что...

– Нет, я не уверена в грабителе. Но он действительно растворился в воздухе. Дважды. И я увидела медальон под рубашкой Кирнана...

Я остановилась, когда Коннор и Кэтрин одновременно резко и испуганно вздохнули.

– Его звали Кирнан? – спросил Коннор. – Откуда ты это знаешь?

– Да. Кирнан... Данн или Дункан, кажется. Он не грабитель. Он велел мне бежать. Темные глаза, темные волосы, высокий и... – я замолчала, уверенная в том, что уже покраснела. – А что такое? Вы его знаете? Он хотел знать, почему я не ношу медальон. Он сказал мне, чтобы я как можно быстрее добралась сюда, в ваш дом, и что что-то должно произойти, и что он остановил бы их, если мог, чтобы дать мне время.

Коннор и Кэтрин снова переглянулись.

– Кирнан Данн был моим прадедом, – сказал Коннор че-

рез мгновение, – и я нахожу маловероятным, что он сделает что-нибудь, чтобы *помочь* нам.

Я совсем забыла, что у Коннора фамилия Данн, и не думаю, что они похожи, за исключением разве что носа. И Коннор был по меньшей мере на тридцать лет старше Кирнана. Или, по крайней мере, на тридцать лет старше того Кирнана, который поцеловал меня в метро. Я еще чуть глубже вжалась в диван.

– Может быть, тебе стоит начать с самого начала, – предложила Кэтрин.

Я перечислила свои действия с того момента, как покинула дом Кэтрин в понедельник утром, и до того момента, как такси доставило меня обратно к ее порогу. Я опустила несколько подробностей, так как не была уверена, как она отнесется к тому, что Шарлейн читала дневник или к нашим экспериментальным попыткам определить его материал, и я определенно *не* была готова рассказывать о поцелуе. Это не то, что я хотела бы обсуждать с бабушкой, или, если уж на то пошло, с тем, кто утверждал, что является правнуком парня, который поцеловал меня. Все и так было слишком странно, и я не хотела усложнять ситуацию еще больше.

Закончив рассказ, я повернулась к Кэтрин.

– Веришь ты информации Кирнана или нет, мне нужно знать о том, что происходит. И мне кажется, что папа должен тоже быть здесь. Или мама...

Я чувствовала себя как обвиняемый, заявляющий о своем

праве на адвоката, и, возможно, это было недалеко от правды. Я не знала ни Кэтрин, ни Коннора достаточно хорошо, чтобы доверять им, а папа... ну, он мой отец, и я знаю, чьи интересы он бы поставил на первое место. И хотя мои отношения с мамой немного сложнее, она бы сделала то же самое.

– Кейт... – Кэтрин заколебалась, явно подыскивая нужные слова. – Я восхищаюсь тем, что ты хочешь держать своих родителей в курсе. И да, намного вероятнее, что поймет Гарри, нежели Дебора. Но, возможно, тебе следует услышать мою историю. И тогда, если ты захочешь поговорить с Гарри... я пойму.

Она подняла руку и потянула за цепочку на шее, ее медальон упал на темно-красный халат. Синий свет медальона отбрасывал на красную ткань необычный пурпурный отенок.

– Но ты должна помнить, Кейт, что твои родители никогда не увидят в этой подвеске ничего, кроме странного украшения. Если кто-то из них подержит его в руке дольше пары мгновений, они почувствуют странное ощущение. Такое, что способен почувствовать Коннор или любой другой человек с рецессивным геном. Они могут заметить небольшое свечение. Но ни один из них никогда не увидит этого так, как ты или я. И потребуются время, чтобы убедить их во всем, что мы можем видеть и переживать непосредственно.

Что-то в этом заявлении не давало мне покоя, но я сосредоточилась на ключевом моменте: чтобы втянуть папу в дис-

куссию, потребуется время. Я не могла избавиться от ощущения, что времени осталось мало. Настойчивость в голосе Кирнана ясно дала это понять, и я не была уверена в том, что мы можем позволить себе ждать, пока папа не окажется здесь и мы не расскажем ему обо всем. И хотя Кэтрин и Коннор, казалось, сомневались в искренности предостережений Кирнана, я была в нем уверена. Возможно, это был мой первый поцелуй, но я доверяла инстинкту, который подсказывал мне, что Кирнан был на моей стороне. Какой бы она ни была.

– Я родилась в 2282 году, – начала Кэтрин.

Должно быть, на моем лице отразилось сомнение, потому что она быстро добавила:

– Я не собираюсь тратить время, пытаюсь убедить тебя в том, что ты уже знаешь, Кейт. Еще до моего рождения, – продолжала она, – было решено, что я стану историком. У моих родителей были небольшие сбережения, и, скорее всего, мои бабушка с дедушкой и бездетная тетя также внесли вклад, поэтому было несколько даров, из которых мои родители могли выбрать. Каждому разрешен один – и *только* один – выбранный дар. Изначально они распределялись как в лотерее, но деньги – это хороший способ открывать нужные двери в любом обществе. В общем, я довольна их покупкой.

Коннор вернулся из кухни с тремя кружками черного кофе, который выглядел слишком крепким для человека, и большой коробкой печенья, которую он явно съел бы сам, если бы Кэтрин не кивнула в мою сторону. Он отказался от трех пряников – неохотно, как мне показалось, – и положил ноги на низенький столик между креслом и диваном.

Кэтрин продолжила:

– Если бы моя семья была менее обеспеченной или не захотела бы вкладывать деньги в мое будущее, я могла бы по-

лучить особые способности к целительству, музыке или какому-нибудь другому ремеслу. Избранным даром моего отца была химия. Избранным даром моей матери была логика, и она много лет работала в ХРОНОСе, программируя компьютеры, которые использовались для отслеживания исторических миссий и анализа собранных данных.

Я сделала глоток кофе, мечтая о капельке молока, чтобы избавиться от жгучего привкуса.

– А что такое ХРОНОС? Это упоминалось в нескольких записях в дневнике.

– Хроноисторическая Разведывательная Организация и Научное Обозревательное Сообщество, – сказал Коннор с набитым печеньем ртом. – Иллюстрация того, что американцы из будущего так же охотно, как и их предки, придумывают именованья, чтобы получить красивую аббревиатуру.

– Во всяком случае, – сказала Кэтрин, приподняв бровь, – моя мать любила свою работу в ХРОНОСе, и это неудивительно, поскольку она и все остальные люди моего времени буквально рождены любить свою работу. Но я думаю, что в ее душе был какой-то маленький элемент страсти к путешествиям. Выбранный ею для меня подарок означал, что я увижу разные времена и территории...

– Но, – немного неуверенно прервала я ее, – а как же свобода выбора? Я имею в виду, что если бы ты предпочла стать химиком, как твой отец? Или пекарем? Или...

Кэтрин улыбнулась, но это была улыбка усталого челове-

ка. Я поняла, что ей уже не в первый раз задают эти вопросы.

– Да. Но многое говорит в пользу внесения некоторых корректив еще до рождения ребенка. Сколько времени тратится сегодня на обучение детей различным навыкам, которые они не только никогда не будут использовать, но даже и *не подумают* использовать? Я помню, как твоя мать жаловалась, что ей никогда не понадобится умение вычислять квадратный корень, и даже когда я заставляла ее делать домашнее задание по математике, мы обе знали, что она была права. Не пойми меня неправильно, люди все еще изучают предметы, выходящие за рамки их профессии. У нас все еще есть хобби и увлечения. Но мы все заранее знаем главный маршрут к нашей основной цели, когда путешествие только начинается, мы не сожалеем о цели, и у нас нет никакого желания изменить ее. В конце концов, наша генетическая структура гарантирует, что мы будем гораздо лучше справляться с нашей работой, чем с любой другой, и выполнять ее намного лучше, чем те, у кого не было этого избранного дара.

– Значит, все, чем ты являешься, было предопределено еще до твоего рождения, этим... усовершенствованием?

– Нет. Единственное, что изменили до моего рождения, – это мой избранный дар. У меня есть некоторые природные дары от моих родителей – моя мать могла прекрасно петь, и у меня довольно хороший слух. Как и ты, я унаследовала глаза своего отца, хотя тебе повезло больше – глаза Гарри гораздо ярче.

Коннор наклонился вперед и слегка прищурился, глядя мне прямо в глаза:

– Очень... зеленые, – я не знала, был ли это комплимент и утруждался ли Коннор подобными любезностями, поэтому просто кивнула.

– У меня также есть некоторые остаточные эффекты от выбранных даров, которые получили мои родители. Как и моя мать, я хорошо разбираюсь в компьютерах, – Коннор насмешливо фыркнул, и Кэтрин уточнила, – или, скорее, я хорошо разбираюсь в компьютерах, но не тех, что появились несколькими веками ранее моего времени. Я более чем счастлива позволить Коннору самому разбираться с архаичными грудями гаек и болтов, которые он называет компьютером.

Кэтрин остановилась, чтобы сделать глоток кофе, и снова повернулась ко мне:

– Я правда понимаю твое... беспокойство... насчет свободного выбора, но давай пока оставим это в стороне, ладно? Не я придумала общество, в котором родилась, точно как и ты не придумывала наше, и я вполне готова признать, что у него есть свои недостатки. Я хотела сказать, что дары родителей – все дары, избранные и естественные, – передаются ребенку. Я унаследовала кое-что от своей матери, кое-что от отца, и я *приобрела* один особый, избранный дар, который я передала твоей матери и который она явно передала тебе, учитывая твою реакцию на медальон.

Я все больше запутывалась.

– Но мама не видит света медальона.

– Это не значит, что она не унаследовала дар. Просто ген рецессивный. Возможно, даже не из-за него она интересуется современной американской историей. На нее и так сильно повлиял Джим. Он был одним из тех профессоров, у которых всегда на кончике языка вертелись исторические анекдоты. Однако в твоем случае эта черта является доминирующей.

– Почему ты так считаешь? – спросила я. – Только потому, что я вижу этот голубой свет? То есть мне нравится история, но я люблю много предметов. Я еще не решила, чем буду заниматься. Я с таким же успехом могла бы заняться математикой или иностранными языками. Или юриспруденцией.

– Дело не просто в *интересах*, Кейт. Для многих специализированных профессий выбранный дар – генетическое «усовершенствование», как ты его называешь, – несет в себе способность управлять специальным оборудованием, используемым в этой профессии. Я видела тебя вчера на кухне. Ты родилась историком ХРОНОСа, как и я, хочешь ты этого или нет. Я не стану утомлять тебя всеми подробностями моей работы, – продолжала она, – но, в отличие от твоей матери, которая должна изучать свою область через документы и артефакты, я путешествовала по местам, где творилась история. Я специализировалась на женских политических движениях, в основном американских, в основном де-

вятнадцатого века, хотя несколько раз путешествовала и в двадцатый век, чтобы проследить долгосрочные тенденции. Я изучала историю, наблюдая, как Сьюзен Б. Энтони³, Фредерик Дуглас⁴ и Люси Стоун⁵ выступают как публично, так и говорят без зрителей, в то время как я сама маскировалась под кого-то из их эпохи. Чтобы обеспечить... – она взглянула на Коннора и скорчила гримасу, – или хотя бы *попытаться* обеспечить неприкосновенность временной шкалы, в ХРОНОСе ограниченное число историков. Со мной работали тридцать пять, когда я присоединилась к ним в 2298 году. Я заняла место тридцать шестого, который уходил на пенсию. Этот ключ является портативным устройством, которое позволяет возвращаться в штаб-квартиру, когда наши исследования завершены. А дневники были нашим связующим звеном в этой области – быстрый способ получить ответ на любой вопрос, на который не было ответа в предварительном исследовании. На данный момент важно то, – сказала она, – что измененная структура генов позволила мне – и тебе, через наследственность – активировать ключ ХРО-

³ Сьюзен Браунелл Энтони – американская активистка и борец за гражданские права женщин, сыгравшая в XIX веке одну из ключевых ролей в суфражистском движении США.

⁴ Фредерик Дуглас – американский писатель, просветитель, аболиционист, редактор и оратор. Один из известнейших борцов за права чернокожего населения Америки, руководитель негритянского освободительного движения.

⁵ Люси Стоун – известный американский публичный деятель, аболиционистка и суфражистка, боролась за права женщин.

НОСа. Или медальон, как ты его называешь. Когда я была на стажировке, я держала ключ в руке и смогла «увидеть» окрестности заданных координат, к которым меня должны были доставить. На каждом континенте есть определенное количество пунктов назначения, установленных в районах, которые, как мы знаем, были стабильными на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Например, одной из стабильных точек в этой области является коридор в сенатском крыле Капитолия, избежавший разрушения во время войны 1812 года. Это географически стабильная точка между 1800-м и 2092-м годами.

– А что произойдет в 2092 году? – спросила я. Губы Кэтрин сжались в тонкую линию.

– Коридор перестал быть стабильной точкой.

– Даже не пытайся расспрашивать Кэтрин об этом, – перебил Коннор. – Она начнет донимать тебя своими «все, что тебе нужно знать».

– Вернемся к медальону, – сказала Кэтрин, – он позволяет пользователю обследовать территорию, сделать незначительные временные корректировки, если это необходимо, и определить лучшее время для прыжка.

– Так как же ты оказалась здесь сейчас? Ты решила остаться в прошлом? Или это был несчастный случай?

– Это точно был не несчастный случай, – ответила Кэтрин. – Однако все было сделано для того, чтобы это выглядело именно так. Твой дед – Сол, твой биологический дед

– устроил диверсию на ХРОНОСе и высадил команды в разных местах. Я должна была переместиться в Бостон, в 1853 год, но... скажем так, я была вынуждена в последнюю минуту внести коррективы. А Сол...

Кэтрин сделала паузу, тщательно подбирая слова:

– Сол связался с неприятными представителями нашего общества, и я совершенно уверена, что он собирался последовать за мной. Он всегда был черно-белым человеком. Ты был для него либо другом, либо врагом, и никакой серой зоны между. Он считал меня предательницей и убил бы, а вместе со мной – хоть и не осознавал этого – твою мать и Пруденс, если бы я не нырнула в 1969 год в самый последний момент.

В течение следующего часа я узнала, как Кэтрин начала новую жизнь в 1970-х годах. Она появилась в заброшенном сарае примерно в километре от Вудстока⁶, штат Нью-Йорк, в середине августа 1969 года, вместо друга-историка музыки, который надеялся посмотреть на Дженис Джоплин⁷ и Джими

⁶ Вудстокская ярмарка музыки и искусств – один из знаменитейших рок-фестивалей. Вудсток стал символом конца «эры хиппи» и началом сексуальной революции.

⁷ Дженис Лин Джоплин – американская рок-певица, выступавшая сначала в составе Big Brother and the Holding Company, затем в Kozmic Blues Band и Full Tilt Boogie Band.

Хендрикса⁸ на фестивале. Одета по последней моде для назначенного 1853 года, Кэтрин была слишком нарядной для рок-концерта. Надеясь получить хоть какую-то полезную информацию для друга, она вынула шпильки из волос, спрятала в саквояж изысканное платье, перчатки и туфли и отправилась на концерт в одной шелковой сорочке, панталонах и черном кружевном чокере. И все же была намного скромнее многих девушек на концерте, но после нескольких часов в грязи и жаре, по ее словам, ей удалось смешаться с толпой.

– Я несколько раз возвращалась в установленный пункт (сарай) в течение нескольких следующих недель и пыталась связаться со штабом. Но я ничего не видела – только черную пустоту с редкими помехами. Я пыталась связаться, используя один из дневников, которые я брала с собой, но он исчез. У меня было чувство, будто все, что существовало в моем времени, пропало безвозвратно.

– Так почему ты не вернулась в тот день, когда уехала?

Коннор кивнул, сказав: «Я тоже об этом спрашивал».

– Боюсь, вы насмотрелись фильмов. Я не могла просто перескочить из одного места в другое в любой момент времени. Ключ ХРОНОСа позволял мне выйти в заранее запрограммированной стабильной точке и затем вернуться в штаб-квартиру, когда моя работа закончена. Никаких откло-

⁸ Джими Хендрикс – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор. Широко признан как один из наиболее смелых и изобретательных виртуозов в истории рок-музыки.

нений от маршрута не допускается. К счастью, – продолжала она, – историки ХРОНОСа следовали девизу бойскаутов: «Будь готов». Если мы не могли связаться со штаб-квартирой, то должны были найти способ затеряться и затаиться на год или два. И только после этого, если все еще не вышли на контакт с домом, мы должны были сдаться и попытаться жить нормальной жизнью в нашем новом времени и на новом месте.

С помощью ключа от сейфа, вшитого в нижнее белье, Кэтрин покопалась в саквояже, изначально собранном в 1823 году в банке Нью-Йорка. Она выбрала лучший вариант из множества личностей, что таились внутри, придумала мужа, который погиб во время войны во Вьетнаме, и в течение следующих нескольких месяцев работала научным сотрудником в университете.

Она попыталась найти информацию о других историках, места назначения которых были в относительно недавнем прошлом, включая Ричарда, друга, который поменялся с ней местами и приземлился в 1853 году.

– Мне очень хотелось бы узнать, как он сумел смешаться с толпой, появившись в джинсах-клеш и яркой рубашке. Его одежда идеально подошла бы для Вудстока, но я уверена, что для 1853 года он выглядел довольно нелепо. Однако Ричард всегда был толковым. В итоге я узнала, что он был редактором газеты в Огайо в течение следующих сорока лет, был женат, имел детей и внуков. Это вне протокола, нам бы-

ло сказано избегать детей любой ценой, но я думаю, что это трудно, если вы застряли в 1850-х годах и хотели жить нормально.

Она вздохнула.

– Он умер в 1913 году. Странно было читать, что он состарился и умер так давно, хотя я видела его всего несколько недель назад. Он был хорошим другом, но, я думаю, он хотел попробовать стать для меня кем-то большим. Если бы я не была так заиклена на Соле... Как бы то ни было, – продолжала она, тряхнув головой, словно пыталась вернуться в реальность, – я послала письмо внучке, которая ухаживала за Ричардом до его смерти. Я сказала, что пишу историю о журналистах девятнадцатого века и ее дед был одним из тех людей, о которых я проводила свое исследование, и была удивлена, когда она попросила меня приехать лично. Когда я приехала, она сразу же направилась к своему фарфоровому шкафчику и достала оттуда ключ от ХРОНОСа. Она сказала, что ее дедушка был своеобразным экстрасенсом, он сказал ей, что однажды, когда ей будет за семьдесят, женщина по имени Кэтрин может прийти и задать вопросы. Если это случится, Ричард сказал, что она должна отдать мне этот старый медальон и его дневник, потому что я буду знать, что с ними делать. Я отложила ключ Ричарда вместе с другими своими вещами, когда вышла замуж за Джимми спустя несколько месяцев. Он был молодым профессором истории, а я – недавно овдовевшей научной сотрудницей, уже шестой

месяц вынашивающей твою маму и Пруденс.

Она мягко улыбнулась.

– Джим должен был родиться в эпоху, когда странствующие рыцари спасали девушек, попавших в беду. Встретив меня, он нашел свою судьбу. Мне не хотелось так быстро выходить замуж. Членам ХРОНОСа было приказано ждать не менее года, прежде чем принять решение о том, как лучше всего ассимилироваться. Но я лучше других знала, что происходящее со мной было не просто техническим сбоем. Мы с Джимом поженились еще до рождения девочек, и они были во всех смыслах, кроме биологического, действительно его девочками. Я не могла и мечтать о более преданном муже и отце.

– Значит, мама ничего не знает? – спросила я. – То есть даже после несчастного случая ты не рассказала ей о том, что Джим не был ее отцом?

Кэтрин выглядела немного удивленной.

– Ты действительно думаешь, что я *должна* была ей сказать? Она и так была достаточно зла на меня, и рассказывать ей очередную ложь об отце, убитом во Вьетнаме, было бессмысленно. А если бы я рассказала правду, то она посчитала бы, что я сошла с ума. Я сделала то единственное, что могла сделать после смерти Джима, – я попыталась спасти ее сестру от Сола. И я потерпела неудачу.

Ее слова объясняли так много всего, и я не удивилась тому, что Пруденс была жива или по крайней мере что Кэтрин верила, что Пруденс пережила катастрофу.

– Мне никогда не приходило в голову, что кто-то из девочек может активировать ключ, – продолжала Кэтрин. – В то время было всего несколько поколений историков ХРОНОСа и... что ж, не то чтобы мы носили оборудование ХРОНОСа при людях. Если дети историков когда-нибудь и проявляли способность активировать оборудование, то мне об этом не говорили. Я хранила ключ в шкатулке с драгоценностями. Не знаю почему. Я бы не бросила свою семью, если бы он вдруг заработал, но я думаю, что он был для меня просто сувениром, напоминанием о мире, который казался мне уже почти нереальным к тому моменту.

Она на мгновение замолчала.

– И я поняла, что Сол совершил перемещение. Он тоже оказался в беде. Думал, что уничтожение стабильной точки ХРОНОСа приведет к свободе, позволит ему переходить из одной стабильной точки в другую, из одного времени в другое, без ограничений. И это могло бы сработать, но... Я все еще не знаю, что произошло в тот день. Однако где бы и когда бы ни приземлился Сол, я совершенно уверена – он обвиняет меня в том, что я разрушила его планы.

Кэтрин перебира́ла цепочку на своей шее.

– Я никогда не думала, что ключ может быть опасен для девочек. Пруденс нашла его за несколько месяцев до своего исчезновения. Они с Деборой искали старые вещицы для школьного спектакля. Я не знаю, как долго Пруденс держала его и что она видела. Знаю только, что они с твоей матерью довольно сильно поссорились, потому что Пруденс утверждала, что медальон светится зеленым, а твоя мать не могла этого увидеть – она была уверена, что это очередной розыгрыш сестры.

Она остановилась на пару секунд.

– И как ты поступила? – спросила я.

– Я поступила так, как поступили бы большинство матерей: забрала его, накричала на них обоих и сказала, что устала от их глупых споров. Я отказалась принимать чью-либо сторону или обсуждать этот вопрос, когда Пруденс вернулась к нему позже.

Голубые глаза Кэтрин немного потускнели, и она опустила взгляд на свои руки, продолжив:

– Это было ошибкой. Теперь я это знаю. Думаю, она увидела что-то такое... что напугало ее. Может быть, это была та самая черная пустота, которую я все еще вижу, когда пытаюсь его активировать, но вряд ли. Ей начали сниться кошмары, и она была в плохом настроении. Ну, она всегда была немного меланхолична, но... после этого... еще больше.

Слеза скатилась по лицу Кэтрин и упала ей на рукав.

– Я думала, она уже справилась с этим. А потом, через несколько недель, я собиралась отправиться в Джорджтаун вместе с Деборой, чтобы купить ей новые туфли. Была суббота, и Джим повел Пруденс на урок игры на скрипке в кампусе. У Пруденс было слишком хитрое выражение лица, когда она садилась в машину, но я предположила, что это было потому, что она накрутилась ярче, чем я обычно позволяла. Дебора сказала, что она была влюблена в своего преподавателя музыки. Когда они выехали с подъездной дорожки, Пруденс нахально улыбнулась мне и подняла что-то похожее на мой ключ от ХРОНОСа, светящийся мягким оранжевым светом... У нас была только одна машина, поэтому последовать за ними было невозможно. Если бы это случилось на десять лет позже, у нас были бы сотовые телефоны. Я могла бы позвонить ей и сказать, чтобы она немедленно вернулась, чтобы я могла забрать у нее эту чертову штуку. Вместо этого я побежала в свою спальню и начала рыться в ящике комода, где спрятала ключ, и, к моему удивлению, ключ оказался там, где я его оставила. Я решила, что Пруденс, должно быть, нашла похожее украшение, и мы с Деборой отправились в центр города, как и планировали. Но что-то не давало мне покоя... разве Пруденс не говорила, что медальон светится зеленым для нее? Так почему же она купила украшение оранжевого цвета? И все же я не могла придумать никакого другого объяснения. А потом я вспомнила о коробке на чердаке, – сказала она. – Мы побежали обратно к дому. Де-

бора, конечно, была в ярости, что я передумала после полукилометровой прогулки. Как бы то ни было, я нашла старый сундук с вещами, которые спрятала еще до свадьбы с Джимом, и, конечно же, он был открыт, а ключ Ричарда, подаренный мне его внучкой, исчез.

Кэтрин тяжело вздохнула, затем встала и прошла на кухню. Через несколько минут я услышала, как она впустила Дафну. Собака явно чувствовала настроение хозяйки, такой подавленной я ее еще не видела. Она осторожно подошла к дивану и обнюхала колени Коннора, очевидно, в поисках крошек имбирного печенья. Он выудил печенье со дна коробки и подбросил его в воздух. Дафна поймала его, щелкнув зубами, и растянулась у моих ног, зажав добычу между лапами и обкусывая края.

Я уже собиралась последовать за Кэтрин на кухню, но Коннор покачал головой:

– Она скоро вернется, – сказал он. – Ей трудно говорить об этом.

Я кивнула.

– Моей маме тоже. Кажется, я уже все поняла, в любом случае. Мама сказала, что Пруденс так и не нашли, а ее отец умер в тот же вечер в больнице. Они не знают, почему он потерял контроль над машиной. Не думаю, что маме удалось поговорить с ним, так что, наверное, он так и не проснулся?

– Он говорил с Кэтрин. То терял сознание, то приходил в себя, и...

Он оборвал фразу, когда Кэтрин появилась в дверях; она выглядела хрупкой и усталой.

– Джим говорил со мной всего несколько секунд, только сказал: «Она была там, а потом она просто исчезла. Автомобиль... Я потерял контроль». А потом он крепко схватил меня за руку и спросил: «Куда она *пропала*, Кэтрин?» А потом Джими тоже исчез. Не в буквальном смысле, как Пруденс, а...

Она провела рукой по своим коротким седым волосам и прислонилась к стене.

– Медсестра и Дебора были в палате. Я уверена, они решили, что река унесла Пруденс прочь. Что он был не в себе. Но я видела в его глазах замешательство, Кейт. Я поняла, что он имел в виду. Она исчезла. И увидеть, как кто-то исчезает с соседнего сиденья, когда ты никогда не видел ничего подобного... что ж, я не удивлена, что Джим забыл о дороге.

После этого Кэтрин замолчала. Я не знала, что сказать, и почувствовала облегчение, когда Коннор сменил тему:

– Может быть, нам стоит сосредоточиться на том, что случилось с Кейт сегодня утром? Не могла бы ты рассказать нам еще что-нибудь о парне, который забрал твою сумку?

– Мой ровесник, возможно, чуть старше. Кирнан сказал, что его зовут Саймон. На нем была черная рубашка с чем-то вроде логотипа группы спереди, но я не узнала группу. Пухлый... был похож на безнадежного геймера.

– Геймера? – спросила Кэтрин.

– В плохой форме, бледный, редко видит солнечный свет, – сказал Коннор.

– Да, – сказала я. – Он что-то писал, все время заглядывал в свои записи. Честно говоря, я лучше разглядела другого парня. Кирнан. Высокий...

– Подожди... – сказал Коннор.

Он поднял руку и направился к лестнице.

– Возможно, я смогу помочь тебе в этом.

Когда он вернулся через минуту, в руках у него были две очень старые фотографии в одинаковых черных рамках. Он протянул мне одну из них.

– Фото было сделано в 1921 году.

Это была парадная фотография семьи с четырьмя детьми, самый младший мальчик сидел на коленях у матери. Мужчина средних лет, высокий и смуглый, с ухоженной бородой. Он смотрел прямо в камеру, и я сразу узнала его глаза. Я взглянула на женщину, сидящую перед ним, и почувствовала внезапный, иррациональный укол ревности оттого, что его рука лежала на ее плече. В другой руке он сжимал большую богато украшенную книгу, возможно, семейную Библию, с лентой между страниц.

Я вернула фотографию Коннору.

– Это он. Я в этом уверена.

– Второй мальчик справа, – сказал он, – тот, что стоит рядом с матерью, предположительно мой дедушка, Энсон. Мне кажется, ему было лет одиннадцать, может быть, две-

надцать. А этот человек, как я уже упоминал ранее, Кирнан Данн, мой прадед. Основываясь на генеалогических исследованиях, которые я провел *недавно*, Кирнан был известным тамплиером-киристом в Чикаго, пока не умер в конце 1940-х годов. Он приехал сюда ребенком вместе с родителями, чтобы работать в одной из киристских ферм, появившихся на Среднем Западе в середине 1800-х годов.

Я снова взглянула на фотографию, которую держал Коннор, не понимая, что беспокоило меня больше: то, что меня поцеловал женатый проповедник, или что он умер более чем за полвека до моего рождения. Я все еще чувствовала прикосновение его губ к моим губам и его руки на моем лице, помнила его улыбку, когда он распускал мои волосы.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать наваждение, и Коннор сунул мне в руку другую фотографию.

– Однако я всегда считал, что *этот* молодой человек – мой дедушка Энсон.

Он указал на мальчика, чуть младше, на другой семейной фотографии. На этом снимке было трое детей и другая женщина. Они были одеты менее официально и сидели снаружи дома, перед большим фермерским домом. Мужчина был высоким и темноволосым, с чуть более длинной бородой, и выглядел не таким серьезным, на его лице был намек на улыбку. Глаза были похожи.

– У Кирнана был близнец? – спросила я.

– Нет, – ответила Кэтрин. – Это копии одной и той же фо-

тографии. Вторая находилась в моем распоряжении и под защитой поля ХРОНОСа с 1995 года, когда мать Коннора позволила мне сделать копию оригинала для моих исследований потомков историков ХРОНОСа. Первый – более формальный портрет – на самом деле является оригинальной фотографией, с которой я сделала эту копию в 1995 году. Коннор получил ее от своей сестры по почте в мае прошлого года. Только я не думаю, что ее действительно можно называть его сестрой, поскольку...

– Подожди, я запуталась.

Я понятия не имела, что такое поле ХРОНОСа, но эти фотографии никак не могли быть вариантами одного и того же оригинала.

– Это точно не одна и та же фотография. Разные люди и разные локации... как же вторая фотография может быть копией первой?

– В рассказах, что я помню, – сказал Коннор, – мой прадед был фермером, а не священником. И точно не был тамплиером.

Я расслышала пренебрежение в его голосе и уже собиралась спросить, но он продолжал говорить, указывая на различия в изображениях:

– Мать на этой фотографии совсем другая. У детей есть небольшие различия, – Коннор кивнул в сторону лестницы. – Я могу проследить мужскую линию в моей семье на современных генеалогических сайтах, но имена разные. Моя

мать никогда не выходила замуж за моего отца. Я смог получить эту фотографию, только притворившись сво... как бы ты его назвала? Похоже, это моя версия в этом времени. Мой сводный брат? Мое второе «Я»?

Он посмотрел на Кэтрин, вопросительно подняв брови.

Кэтрин только пожала плечами.

– Это за пределами моего понимания. Я всего лишь историк. Я пользовалась этим оборудованием, но не изобретала его. Нам сказали, что система была защищена от этого типа (абберации), но Сол...

– Сол, – насмешливо произнес Коннор. – Сейчас я провожу все свое время, пытаюсь понять, что именно этот ублюдок изменил и как мы можем вернуть все обратно. – Он сложил коробку с печеньем с большей силой, чем требовалось. – И каждый день я вижу еще эти его проклятые храмы, портящие пейзаж.

Папа говорил правду, когда упоминал, что у Кэтрин было много книг. Они выстроились вдоль трех стен огромной библиотеки, занимающей бо́льшую часть левого крыла дома. Это была почти классическая библиотека, по крайней мере как те, которые я видела только в кино, с передвижной лестницей, катающейся от стены к стене, и книгами от пола до потолка.

Однако были и некоторые принципиальные отличия. Вдоль края каждого блока полка снизу-вверх тянулась ярко-синяя трубка, точно такого же оттенка, как ключ ХРОНОСа. А затем раздваивалась у потолка и снова сходилась в центре, где образовывала большой синий крест.

Мой взгляд привлекли компьютеры. Десятки жестких дисков лежали на металлических полках. Там было три рабочих места, каждое с большим двойным монитором. Справа от них находился странный аппарат, который я не могла опознать, за исключением предметов в самом центре. Два медальона ХРОНОСа были заключены в некое подобие кожуха, от которого тянулись ряды кабелей. Верхняя часть футляра была изготовлена из тонированного стекла, которое частично приглушало синий свет. Толстый метровый жгут переплетенных кабелей, крепящийся к корпусу, тянулся от компьютерной станции к книжным полкам и соединялся с одной из

ярко-синих трубок.

– Что... это такое?

– Кейт, это то, что делает наш дом *безопасным* местом, – сказала моя бабушка. – Вы даже не представляете, как трудно было перевезти все это в новый дом, учитывая необходимость держать все под защитой во время переезда. Было бы гораздо проще увезти тебя в Италию, но, подозреваю, что с твоей матерью такое не пройдет. Коннор собрал довольно хитроумную систему. Сигнал от ключей ХРОНОСа усиливается, и защита распространяется как минимум на шесть метров от дома.

– А пока, – добавил Коннор, – мы просто держим при себе один из других ключей, если нам необходимо выйти за пределы этого периметра. Я хотел бы включить еще и двор в безопасную зону, но для этого потребуется использовать третий ключ, и я переживаю, что расширение защиты на такое расстояние может перегрузить систему.

– Что ты имеешь в виду под «защитой»? – я вдруг вспомнила вопрос, что Кирнан задал мне в метро: *«Почему она отправила тебя безо всякой защиты?»*

– От временных искажений, – ответил Коннор. – Любая вещь и любой человек в этих стенах, или тот, кто носит один из ключей, – не подвержены влиянию временного сдвига. Мы с Кэтрин, например, ясно помним, что вторая фотография, которую ты видела, была настоящей. Она была защищена вместе со всеми остальными предметами в этом доме. Но

первая фотография, которую ты видела, и... люди, и предметы вне защитной зоны... все они изменились.

– Так почему же первая фотография не изменилась, когда ты принес ее сюда? – я была в сомнениях. – Если это вроде как безопасная зона, разве она не должна показывать реальность, которую ты знаешь?

Кэтрин покачала головой.

– Все не так работает, Кейт. Она не была защищена, когда произошел временной сдвиг. Подумай об этом как о... свинцовом фартуке, вроде того, что ты надеваешь у дантиста. Ты защищена, когда фартук на тебе, но он не сможет обратить повреждения, которые уже нанесены. Документы, которые мы здесь храним, которые мы всегда защищали, включая те, что были оцифрованы на этих серверах, – все это сохранилось. Однако все, что мы приносим извне, может быть уже измененным. Честно говоря, оно *будет* изменено, если не будет находиться в постоянном физическом контакте с кем-то, носящим медальон. Но, как только оно окажется здесь, изменения прекратятся.

– Это... думаю, это имеет смысл. Ладно, я видела... – я сделала паузу, чтобы сосчитать, – пять медальонов, включая тот, что был у Кирнана. Я предполагаю, что у Саймона... парня, который меня ограбил... тоже есть такой, наверняка. Откуда они берутся? Вы научились их копировать?

– Нет, те дополнительные ключи и дневники, которые находятся здесь, собрала я, – сказала Кэтрин, садясь за один из

компьютеров. – До исчезновения Пруденс я не старалась выяснить, что случилось с моими бывшими будущими коллегами, разве что присматривала за Солом, потому что он мог приземлиться где угодно и когда угодно. После того как Пруденс пропала, я заперлась в комнате и провела следующие несколько недель, отчаянно пытаюсь получить какой-нибудь ответ от ключа ХРОНОСа. Мне кажется, я была очень близка к тому, чтобы исчезнуть в этой пустоте. Эта черная дыра все еще единственное, что я вижу в медальоне.

Я немного колебалась, но все же спросила:

– Ты думаешь, что Пруденс отправилась именно туда? В эту самую... черную дыру?

– Сначала я решила, что это вполне вероятно, хотя и не хотела признаваться в этом себе самой. Другая вероятность заключалась в том, что Сол нашел нас и забрал Пруденс. Все же после того случая я была полна решимости собрать все оставшиеся ключи, потому что мне не хотелось думать о том, что кто-то еще исчезнет таким же образом. Двадцать три историка ХРОНОСа оказались в ловушке, и у каждого был свой ключ. Большинство из них, к счастью, были направлены в современные эпохи, и только четверо – в пятнадцатый век. Некоторые из них путешествовали вместе, как это часто делали мы с Солом. Двенадцать занимались историей Северной Америки, поскольку ХРОНОС расположен в той местности. Шесть из них находились в Европе, а остальные были разбросаны по всему земному шару. На сегодняшний

день я нашла десять ключей и несколько дневников в дополнение к тем, что собрала для своего последнего перемещения. Многие ключи передавались членами семьи как диковинная фамильная реликвия, странное украшение. Большинство стремились избавиться от этих предметов, которые, по их мнению, были заколдованными. Либо они сами, либо кто-то другой говорил, что они светятся или двигаются, или они просто вызывали у них плохое предчувствие. Один из ученых, занимающихся исследованием нацистской Германии, фактически уничтожил свой ключ ХРОНОСа и дневники, которые у него были с собой. Мы немного поговорили с ним незадолго до его смерти, и он сказал, что не хотел рисковать тем, что ключ может быть использован нацистами, как бы маловероятно это ни было. Оглядываясь назад, могу сказать, что он сделал мудрый выбор. Если бы я знала, что Сол станет злоупотреблять этой технологией, я бы уничтожила все, что нашла. Однако я рада, что не сделала этого, потому что примерно через три года после аварии я заметила первые изменения.

Кэтрин повернулась к компьютеру и щелкнула по папке, затем по файлу, открылось изображение. Это была отсканированная копия пожелтевшего документа со списком имен, разделенным на колонки: «Дамы» и «Господа». Сверху было заглавие: *Конвенция о правах женщин, Сенека-Фоллс, Нью-Йорк, 1848 год.*

– Копия этого документа в рамке висела на стене моего

кабинета в университете с тех пор, как Пруденс и Деборе исполнилось два или три года, так что они обе видели его много раз. Сто человек. Шестьдесят восемь женщин и тридцать два мужчины подписали Декларацию Чувств на этой конвенции. Но, если посмотреть внимательно, можно заметить, что сейчас там сто одно имя. Здесь, в самом низу средней колонки, есть еще одно имя – Пруденс К. Рэнд. И это имя стало появляться и в других документах.

– Но... почему именно Пруденс *Рэнд*? Мамина фамилия – *Пирс*.

– Я могу только предположить, что Пруденс решила подписать этот документ *после* того, как встретила своего отца – Сола Рэнда. Она явно пыталась послать мне сообщение, но я все еще не уверена, что она хотела сказать. Хотела ли она, чтобы я ее спасла, или она просто... дала понять, что знает мой секрет? Более всего было оставаться в неведении... Знала ли она, что я не могла связаться с ней? Знала ли она, что я пыталась?

Мы с Кэтрин вернулись на первый этаж, оставив Коннора в библиотеке с компьютерами, где он пытался выяснить, не происходит ли чего необычного, что могло бы быть подсказкой к предупреждениям Кирнана. Что-то не давало мне покоя на протяжении всего предыдущего разговора, но я ни-

как не могла понять, что именно. Наконец, спустя несколько минут, когда мы сидели на кухне, меня осенило.

– Подожди, подожди, подожди... ранее, сегодня утром, ты предположила, что у всех *трех* ген дара ХРОНОСа был рецессивным: у Коннора, мамы и... *папы*?

Кэтрин кивнула.

– Думаю, у твоего отца он сильнее, чем у Деборы. Один из самых отвратительных споров, который я когда-либо видела между ними, произошел сразу после твоего второго дня рождения. Я была у вас в гостях, и на мне был этот медальон. Дебору это никогда особо не волновало, мне же хотелось увидеть твою реакцию. Как сказал вчера Гарри, ты была очарована и постоянно называла его «голубым светом». Гарри как бы невзначай отметил, что медальон, скорее, имеет розоватое свечение. Дебора была вне себя от ярости. Она думала, что я рассказала ему о ее давней ссоре с Пруденс, и, я думаю, она решила, что мы хорошо посмеялись над ней. Бедный Гарри. Он понятия не имел, о чем она говорит, и не мог понять, почему она продолжает настаивать на том, что это простая бронзовая подвеска, не розовая, не зеленая, не голубая.

Кэтрин тяжело вздохнула и продолжила:

– Как бы сильно Гарри ни любил, и, возможно, до сих пор любит твою мать, я всегда думала, что ему повезло бы больше, если я не поспособствовала бы их знакомству. У Деборы есть хорошие стороны, и я очень люблю ее, но мне кажется,

что она унаследовала отцовский характер и...

— Подожди, — вмешалась я, — мама и папа познакомились на каком-то историческом мероприятии. Ярмарка Возрождения или что-то в этом роде. Он продавал драгоценности. Он заменял подругу, потому что она приболела.

— Почти, — сказала она с легкой улыбкой. — Гарри заменял молодую леди, которая была счастлива ста долларам и позволила твоему отцу провести восемь часов на жаре и в сырости, хотя я не думаю, что Гарри догадался, что я ей заплатила. Он сделал мне одолжение. И я сказала ему, что если он встретит Дебору, то будет неразумно дать ей знать, что мы знакомы. Он видел ее фотографию и сказал, что она хорошенькая, а я объяснила, что ему будет совсем не на руку, если она решит, что я его знаю или что есть хоть малейшая вероятность того, что я могла его одобрить.

Я бросила на бабушку долгий взгляд, затем встала и подошла к окну, наблюдая, как две белки гоняются друг за другом вверх и вниз по большой иве на заднем дворе.

— Кэтрин... это *точно* все, что было совершенно не известно мне о моей жизни и родителях? Насколько я знаю, мама даже не познакомила тебя с папой, пока они не поженились.

— Ну, это действительно так, просто это не вся история. Твоя мать не представила нас друг другу. Я впервые встретила Гарри, когда ему было около восемнадцати. Его приемные родители всегда говорили ему, что они помогут ему

разузнать о биологических родителях, если у него возникнут вопросы. Логичнее всего оказалось обратиться ко мне. Его биологические родители, Эвелин и Тимоти, также были историками ХРОНОСа и застряли в 1963 году. Они изучали события, связанные с убийством Кеннеди. Я связалась с ними после моего прибытия в 1969 год. Они жили в Делавэре. У них был друг, который замолвил за меня словечко, чтобы помочь мне получить исследовательскую работу в Нью-Йорке, где я познакомилась с Джимми. Мы несколько раз обменивались рождественскими открытками. Помню, как однажды они прислали фотографию маленького мальчика, который, вероятно, и был твоим отцом. А после я ничего от них не слышала. Люди теряют старые связи, и это происходило намного чаще до появления ваших Facebook и электронной почты, и...

Кэтрин снова наполнила свою чашку кофе, добавив немного сливок из маленького фарфорового кувшина на столе.

– После смерти Джима я начала искать ключи от ХРОНОСа, как уже говорила тебе раньше. Разыскивая ключи Эвелин и Тимоти, я узнала об их смерти и о том, что Гарри был усыновлен парой за пределами Милфорда. Я представилась Келлерам как подруга матери Гарри, которая только что узнала о ее смерти, и это было правдой. Я сказала, что ключи были подарком женского общества, в котором мы с Эвелин учились в колледже. Келлеры их не видели, но я оста-

вила им визитку на случай, если они что-нибудь вспомнят. Позже, когда Гарри поступил в колледж, здесь, в Вашингтоне, они предложили ему разыскать меня. Он интересовался информацией о своих биологических родителях и тем, как они выглядели. Его воспоминания о них поблекли и почти стерлись... ну, я их знала, поэтому встретила с ним, и мы поговорили. Разумеется, я не могла сказать ему всей правды, но он только хотел знать, какими людьми были его родители. Я работала с ними несколько лет и могла рассказать ему о них. Анекдоты, небольшие описания того, что они делали...

Кэтрин села на подоконник, поправив подушку.

— Мы довольно хорошо ладили, и... когда на мне был медальон, я заметила, что его тянуло к нему. Для него свет не был ярким, неоновым, как для нас. Но этого было достаточно, чтобы решить, что, возможно, он и Дебора могли бы... если бы они сошлись и...

Она замолчала, и я просто уставилась на нее, не зная, что и думать.

— Ты свела моих родителей в надежде на то, что у них будет ребенок — я, чтобы я могла сделать... Что? Отправиться на поиски моей давно потерянной тети?

Глубоко внутри я все понимала, но в то же время во мне разгоралась ярость, я чувствовала себя использованной.

— Разве ты не понимала, что шансы ничтожны?

Кэтрин встала и положила руки мне на плечи, глядя прямо в глаза.

– Конечно, это был рискованный шаг, Кейт. Но он был одним из тех, что мне пришлось предпринять, неужели ты не понимаешь? И неоспоримый факт – мои попытки сработали. Ты здесь, и ты... я никогда не встречала человека, который мог бы мгновенно подключиться к оборудованию ХРОНО-Са, как ты сделала это вчера. У меня почти три месяца ушло на то, чтобы увидеть что-то, кроме расплывчатой картинки, а ты... судя по тому, что ты рассказала, ты практически побывала там, где бы *оно* ни находилось, не прошло и пяти секунд, как схватила медальон.

Я сбросила руки Кэтрин со своих плеч. Меня преследовало чувство, что мама была права, предупреждая меня. *Она коварна и эгоистична.*

– А ты не думаешь, что они имели право решить это самостоятельно? Или позволить судьбе идти своим чередом? Очевидно, мои родители не были созданы друг для друга, но все могло быть иначе. Может, без твоего вмешательства они все еще были бы счастливы. Речь идет о людях, а не о марионетках!

– Возможно, они были бы счастливее, Кейт. Но как бы их чувства ни были важны для тебя, да и для меня тоже, дело было в другом.

– Да, – ответила я. – Пруденс. Я знаю, все дело в Пруденс. Но она пропала уже очень, очень давно. Я сожалею о твоей потере и о потере моей мамы, но я действительно не знаю, что вы ждете от меня, как исправить ситуацию, и я не уве-

рена, хочу ли помогать. Наверное, это звучит немного эгоистично, но кто-то ткнул меня в ребра чертовым пистолетом в метро, и... мне казалось, что ты будешь немного больше беспокоиться о том, что происходит здесь и сейчас, чем...

Кэтрин ударила рукой по стойке.

– Ты упускаешь самое главное, Кейт! *Да*, мне бы очень хотелось узнать, что случилось с Пруденс. Мне бы очень хотелось, чтобы *она* знала, что я всем сердцем старалась найти ее, вернуть обратно. Но я не для этого пыталась свести твоих родителей и не для этого привезла тебя сюда. Тот факт, что Пруденс смогла изменить тот документ, который ты видела, а не только мою копию, но и каждую копию, а также полдюжины других фрагментов истории – вот то, о чем мы должны беспокоиться. Временные сдвиги – ты их ощущала, ты знала, что что-то не так, а все вокруг жила своей жизнью, как будто ничего не изменилось. Как будто проблема была в тебе, да?

Я кивнула, все еще сердясь.

– Но проблема была *не* в тебе, – продолжила Кэтрин. – Изменения происходили в течение последних двадцати лет. Те два, что ты почувствовала, были просто... самыми важными.

Кэтрин сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

– Несмотря на избранный дар, несмотря на лучшие намерения тренеров в ХРОНОСе, Сол очень хорошо скрывал свои истинные взгляды. Он и группа его друзей, двое из ко-

торых были связаны с ХРОНОСом, считали, что эта технология используется не так, как следовало бы... что она находится в руках слабых людей, которым не хватает обзора. «Зачем просто изучать историю?» – спрашивали они. «Почему бы не творить историю – *переписать* историю?» Я не знаю, где в итоге оказался Сол, но он понял то же самое, что и я, Кейт. Родители с геном ХРОНОСа могут производить детей, способных обойти защиту. Так и поступила Пруденс. И ты сделала почти то же самое вчера утром. И, основываясь на этих данных, Сол сумел создать небольшую армию людей, которые могут перемещаться во времени по его команде. Ты – все, что у меня есть для борьбы с ним, Кейт.

Кэтрин явно надеялась, что это заявление заставит меня понять, и в какой-то степени так оно и было. Но чудовищность ее слов, то, что она была на грани, то, что она просила меня в одиночку справиться с человеком, которого только что фактически признала сумасшедшим... пугало меня.

– Я хочу, чтобы папа знал обо всем. Поговори с ним, мы примем решение вместе. Или я уйду, и ты сама по себе.

– Согласна. Мы позвоним ему, когда закончатся занятия в школе, и...

Часы на микроволновке показывали 12:22.

– Нет, – сказала я. – У меня через десять минут его урок. Он будет волноваться, если меня там не окажется, и если я отправлюсь сейчас, то еще смогу успеть.

У меня голове звучал тихий голосок, настаивающий на

том, чтобы я никуда не уходила, но я его проигнорировала. Все, что я понимала в тот момент, это то, что мне нужно было уйти, выбраться из дома, чтобы развеяться.

Я направилась к входной двери, схватив туфли из-под стола и обувшись. Кэтрин последовала за мной, продолжая что-то говорить, но я уже не слушала ее. Я огляделась в поисках рюкзака, прежде чем вспомнила, что он и мои книги – все исчезло в прошлом, или будущем, или в какой-то странной альтернативной версии настоящего.

– Увидимся после того, как я поговорю с папой.

Я закрыла за собой дверь и была уже на полпути к воротам, как услышала, что Кэтрин бежит за мной, крича мне в след:

– Кейт, вернись!

Я обернулась как раз в тот момент, когда она остановилась в нескольких метрах от дома, резко отпрянув назад, будто что-то ее напугало.

Она протягивала медальон.

– Возьми это. У меня есть еще один. Я просто не успела отдать его, потому что ты так внезапно ушла... и я почти забыла о границе. Сигнал немного колеблется, но никогда не выходит за пределы клена, – она кивнула на дерево в нескольких сантиметрах слева.

– Ни в коем случае не вынимай ключ, – сказала Кэтрин. – Держи его при себе. И будь осторожна. Я не знаю, что значила эта сцена в поезде, и понятия не имею, каковы мотивы.

вы Кирнана, но я не перестану волноваться, пока ты не вернешься сюда.

Кэтрин выглядела бледной и встревоженной. Мне показалось, что довольно эмоциональное утро сказалось на ней очень сильно. Я взяла медальон, надела на шею и сунула под блузку. Я все еще злилась, но заставила себя улыбнуться ради нее.

– Не тревожься, ладно? Я вернусь сегодня днем. С папой, – добавила я, направляясь к воротам. – Если ты права и я *действительно* буду сражаться против целой армии, то нам понадобится вся помощь, какую мы сможем получить.

Я шла быстро, почти бежала. Мне нужно было отметить на стойке регистрации и придумать какой-нибудь причину пропуска утренних занятий, а это означало, что я все равно опоздаю на папин урок. Пальцы на ногах все еще болели, но в остальном усталость была приятной, и напряжение, что меня одолевало, начало отступать.

Утро было довольно прохладным для середины апреля, но день уже вступал в свои права, и, когда я вошла в здание, почувствовала, что мои распушенные волосы впитали солнечное тепло. Это напомнило мне о том, что я нарушаю дресс-код Браяр Хилл, а еще это напомнило мне о Кирнани. Я вспомнила, как моя темно-зеленая лента для волос ярко выделялась на коже его запястья, когда он исчез на манер рыцаря, с подарком своей дамы (шарфом или лентой) идущего в бой. Я отбросила этот нелепый образ и открыла дверь в главный офис.

– Кейт Пирс-Келлер. Я опоздала, – сказала я довольно суровой женщине средних лет, которая была одной из трех, работавших в главном офисе в Браяр Хилл. Другие две, что обычно работали за стойкой регистрации, были гораздо общительнее, но они, вероятно, были на обеде.

Я ждала, пока женщина откроет журнал посещаемости на компьютере.

– У меня нет записки. Сегодня утром произошло чрезвычайное происшествие, и я забыла попросить маму написать ее, прежде чем покинуть дом. Я принесу ее завтра. И... я забыла собрать волосы. У вас не найдется запасной резинки?

Женщина удивленно подняла брови и принялась рыться в одном из ящиков стола. Через мгновение она нашла большую бежевую резинку, которую молча протянула мне вместе с розовым пропуском в холл.

– Спасибо.

Я собрала волосы, пока шла по коридору. К классу добралась с опозданием на несколько минут и заглянула в маленькое окошко на двери, надеясь войти, когда папа будет что-нибудь рассказывать, и добраться до своего стола, не привлекая к себе внимания класса. Папа стоял возле интерактивной доски и указывал на какое-то уравнение... а потом я почувствовала то же самое выворачивающее внутренности ощущение, которое уже дважды поражало меня раньше.

Я наклонилась вперед, невольно надавив на дверную ручку. Дверь распахнулась. Если бы мне чуть хуже удавалось держать равновесие, я уже лежала бы бесформенной кучей на ближайшем столе, но, к счастью, все обошлось. Я подняла голову и взглянула туда, где стоял мой отец.

Папы там уже не было. Он исчез из класса. На его месте сидела полная женщина средних лет. Эта женщина не была мне знакома. Еще один незнакомец, симпатичный парень с темно-русыми волосами, сидел за тем столом, где обычно си-

дела я, с открытым учебником тригонометрии перед собой. Я была почти уверена, что он тоже новичок. Остальные лица в классе были мне знакомы. Однако все они смотрели на меня как-то странно. Я поймала взгляд Карли Девинс, девушки, с которой я была в довольно хороших отношениях, хоть и не дружеских, и попыталась слабо улыбнуться ей, но в ответ получила только насмешливый взгляд.

Мне было трудно дышать. Я посмотрела на женщину за столом, которая не была папой, и снова на парня, который сидел там, где обычно сидела я. Открыв рот, с трудом произнесла: «Ошиблась кабинетом...» – и это прозвучало как хриплый шепот. Затем все вокруг начало вращаться, и я поскользнулась на полу.

Когда я пришла в себя, первым, что я заметила, была пухлая, бледная рука с выцветшей татуировкой розового лотоса, похлопывающая меня по руке. Через мгновение глаза сфокусировались, и мой взгляд поднялся от руки к лицу ее владелицы, очевидно, моей учительницы. Она и тот высокий блондин, сидевший за моим столом, встревоженно склонились надо мной. Я снова оглядела комнату. Это определенно был папин класс, и, за исключением блондина, это был мой класс тригонометрии.

– Ты в порядке? – спросила женщина.

Я была совсем не в порядке. Голова кружилась почти так же, как и во время предыдущих двух временных сдвигов, хотя на этот раз все казалось более приглушенным. Возможно, это было связано с ключом ХРОНОСа? Однако ужас, разрывающий мое нутро, ощущался еще хуже, и это определенно было связано с тем фактом, что папа просто исчез у меня на глазах.

– Ошиблась кабинетом. Я в порядке, правда. Извините, что помешала.

Но... что, если папа сегодня заболел? И она его замещала? Хотя я понимала, что это, скорее всего, выдача желаемого за действительное, мне все же нужно было пойти в коттедж и проверить, так ли это.

Я подтянулась, и блондин помог мне подняться на ноги.

– Меня зовут Трей. Ты ведь здесь новенькая, верно? Осторожнее... ты с трудом стоишь на ногах. Тебе лучше присесть.

– Простите, – повторила я, – мне нужно идти.

Я все еще чувствовала легкое головокружение, но все же отстранилась и вышла из класса.

– Не торопись, – сказала учительница, – тебе лучше не вставать так резко. Трей, проводи ее к медсестре.

И вот, когда я торопливо шла по коридору, мистер Прекрасный Высокий Блондин следовал за мной, отставая всего на пару шагов.

– Подожди, куда ты идешь? Кабинет медсестры находится в другой стороне.

– Я в порядке.

Я продолжила свой путь к выходу из здания, а парень все еще следовал за мной. Он схватил меня за руку.

– Эй, будь осторожна. Ты же не хочешь снова упасть в обморок на этой лестнице.

– Слушай, тебя Трей звать, так? Ты довольно милый, но, пожалуйста, уйди. Я должна найти своего отца.

– Отца?

Мы продолжили путь через парковку, направляясь к футбольным полям.

– Он здесь преподает, – сказала я. – Гарри Келлер. Мы живем на другом конце кампуса, на окраине. В одном из преподавательских коттеджей. Туда я и направляюсь. Пожалуйста, просто оставь меня.

Он отпустил мою руку.

– Ладно, мы можем поехать в коттедж, если хочешь, но потом пойдем к медсестре.

– Нет. Мне нужно просто прилечь. Я в порядке. Мне бы пообедать...

Я продолжила идти, и он за мной.

– Прости, но я не могу. Я обещал миссис Диз, что ты пойдешь к медсестре. Я не могу вернуться в класс, пока ты не...

Я повернулась, чтобы взглянуть на него, и увидела, что он улыбается широкой, дружелюбной улыбкой.

– Послушай, – сказал он, – я не знаю, в какую игру ты играешь, но ты же не учишься здесь... если только тебя не

зачислили сегодня. Я бы *точно* тебя запомнил. Я сам здесь недавно, поэтому присматриваю за новичками. Трудновато вписаться среди тех, кто здесь с седьмого класса. И я почти уверен, что никакого Гарри Келлера среди учителей нет.

Я покачала головой.

– Он должен быть... и, если ты думаешь, что я не та, за кого себя выдаю, почему бы тебе не вернуться к учительнице и не сказать ей, чтобы она предупредила охрану? – я прибавила шагу. – Если я не ученица, то не должна находиться здесь.

– Верно, – сказал он. – Но так не интересно. Ты не похожа на опасного террориста, и, кроме того, ты *действительно* упала в обморок прямо там. Так почему бы тебе не рассказать мне, что случилось? Может быть, я смогу помочь.

– Ты не сможешь. Вернись в класс.

– Я так не думаю. Ну, давай же, у меня всего два варианта: вернуться к тригонометрии или прогуляться по школе с красивой девушкой в этот теплый весенний день. И что же, по-твоему, я выберу?

Я посмотрела на него с изумлением. Он правда пытался флиртовать со мной, когда я была на грани срыва. Безо всякой причины, которую я могла бы объяснить, слезы хлынули из моих глаз, и я была охвачена чем-то между истерическим смехом и плачем. Я села посреди футбольного поля и обхватила голову руками.

– Эй! Прости, мне очень жаль, – сказал он. – Не надо... только не плачь. Правда...

Я на мгновение опустила голову, чтобы взять себя в руки, и глубоко вдохнула.

– Я в порядке, – сказала я. – Просто сегодня был *очень* плохой день.

Когда я подняла глаза, то увидела, что он сидел на поле передо мной, его лицо было на одном уровне с моим. Его серые глаза с маленькими голубыми крапинками были полны беспокойства, и он одарил меня робкой, сочувственной улыбкой. Он напоминал мне большого дружелюбного щенка, которого так хотелось потискать.

Я вспомнила о своем школьном удостоверении и потянула шнур из-под воротника. Оно было там, под моей карточкой метро. Я вытащила его и подняла так, чтобы он мог видеть.

– Я правда ученица, видишь? У меня есть доказательство. Он наклонился вперед, чтобы прочитать удостоверение.

– Пруденс Кэтрин Пирс-Келлер. Крутая монограмма – ПКПК. Привет, Пруденс. Я – Трей.

Я поморщилась.

– Прошу, просто Кейт.

Смеясь, он вытащил свое удостоверение из серой сумки на плече, и протянул мне.

– Лоуренс А. Коулман третий, – прочла я. – Что значит «А.»?

– Алма. Девичья фамилия моей прабабушки.

– Ох.

– Да, дедушка – Ларри, а отец – Ларс. Хороших вариантов

не осталось, но не то чтобы мне очень нравились первые два, поэтому мама выбрала просто «Трей», – он поднял вверх три пальца, – ну, знаешь, потому что я номер три.

Я кивнула и поднялась на ноги, возвращая ему удостоверение. Я положила свое обратно в бейдж и достала один из ключей. К нему была прикреплена маленькая белая бирка, на которой кто-то из администрации школы написал номер 117 и фамилию Келлер.

– Этот ключ, Трей, подходит к входной двери вон того маленького домика. Мой отец, Гарри Келлер, живет в этом доме, и я тоже живу там больше недели.

Он снова шел рядом со мной.

– Если этот ключ подойдет, – продолжила я, – ты можешь вернуться и сказать миссис... Диз? – Трей кивнул. – Можешь передать миссис Диз, что я в порядке. Просто глупая девчонка, которая не должна была пропускать обед. Договорились?

– По рукам. Но не раньше, чем ты войдешь внутрь.

– Отлично, – согласилась я. – Я сейчас открою дверь, разогрею остатки джамбалайи, которые лежат в холодильнике, и буду очень долго спать.

Я вздохнула, понимая, что говорю все это не только для того, чтобы убедить Трея, но и для того, чтобы успокоить себя. Мне действительно нужно было открыть дверь и увидеть, что папа там, что миссис Диз его замещала, потому что он простудился или что еще, и я просто вообразила, что он находился в классе. Я продолжала твердить себе, что Кэтрин

и Коннор сошли с ума, а, может быть, последние несколько дней были всего лишь длинным дурным сном. Я дрожащими руками протянула ключ и под пристальным взглядом Трея наконец-то смогла вставить его в дверную ручку.

К моему огромному облегчению, она открылась. Я снова повернулась к Трею и широко улыбнулась ему.

– Вот видишь! Я же говорила тебе, что это моя... – я внезапно остановилась, увидев его лицо, и проследила за его взглядом в открытую дверь. Все в коттедже было иначе. Диван, на котором я спала, был заменен двумя мягкими креслами. На полу лежал плетеный коврик. А потом я увидела то, на что смотрел Трей, – фотографию миссис Диз в рамке, с двумя маленькими детьми, рядом с большой белой кружкой, в которой лежали ручки и карандаши. Красные буквы на кружке гласили: «Бабуля № 1».

– Нет! – я попятилась от двери. – Ключ подходит! Ты ведь видел это, не так ли? Он подходит!

Трей закрыл дверь, убедился, что она заперта. Я опустилась на ступеньки крыльца, и через мгновение он сел рядом со мной.

– Так... не хочешь рассказать мне, что, по-твоему, происходит?

Я взглянула на него. Какое это имеет значение? Вряд ли он мне поверит. Я вытащила ключ от ХРОНОСа из-под блузки.

– Какого цвета?

Он перевел взгляд с меня на медальон и произнес:

– Коричневый, бронзовый... не знаю, как правильнее. Он выглядит старым.

– Ну, для меня он ярко-синий. В середине – песочные часы.

– Синий. Серьезно? Я вижу песочные часы, но...

Я удивленно подняла брови.

– Ты видишь песочные часы в середине и песок движется туда-сюда? – Трей в ответ покачал головой. – Я и не надеялась. Если я буду держать его в руке слишком долго, моя бабушка говорит, что я попаду в какой-нибудь момент из прошлого. Или будущего, возможно. Это чуть не случилось со мной вчера.

Выражение его лица не изменилось, и я продолжила:

– Кто-то изменяет реальность... изменяет вещи. Когда я сегодня утром впервые заглянула в класс, мой отец, Гарри Келлер, стоял у интерактивной доски. Моя парта, теперь уже твоя, была пуста, потому что я только пришла в школу. А потом, в одно мгновение, я увидела, как все это изменилось.

В его серых глазах читалось сочувствие, но я видела, что он мне не поверил. Конечно же, он не поверит. Нужно быть сумасшедшим, чтобы поверить в то, что я говорю. Он, вероятно, думал, что я психически неуравновешенна, и я не была уверена, что смогу успешно опровергнуть эту теорию.

– Кто-то... очевидно, мой дед, меняет историю. Моя бабушка говорит, что я единственная, кто может остановить это, потому что я унаследовала способность работать с этой

технологией. Некоторые другие люди тоже унаследовали эту способность, но, очевидно, все они находятся на темной стороне.

Я положила ключи от дома обратно в держатель, а затем его вместе с медальоном обратно под рубашку.

– Я возвращалась сюда, в школу, чтобы втянуть отца в этот кошмар... Не хочу в одиночку принимать решения и справляться с этим. Я уже дважды пережила эти временные сдвиги, но они ощущались просто как... плохое предчувствие. Никто никогда не исчезал, – я вздохнула, уставившись на свои ботинки. – И ключ *подходит*, черт возьми. Я была так уверена...

– Но... разве ключ не подошел бы в любом случае? – Трей говорил так мягко, будто с кем-то, кого можно было легко вывести из себя. Заметив этот слегка снисходительный тон, я возмутилась, но не могла винить его за это. – Я имею в виду, если все, что ты сказала, в какой-то степени правда, если они наняли миссис Диз вместо твоего отца, то... ключ от коттеджа был бы тот же самый. Не так ли?

Я закрыла глаза, но ничего не ответила. Да. *Конечно*, это был бы тот же самый ключ.

Через несколько минут я встала и слабо улыбнулась Трею.

– Я знаю, что тебе нужно немедленно предупредить охрану, но не мог бы ты дать мне несколько минут, чтобы я успела добраться до метро? Пожалуйста?

– Куда ты?

– Я собираюсь попытаться найти свою маму, она в Вашингтоне. И потом...

– Окей, – он встал и отряхнул брюки. – Пойдем.

– Что? Нет! – сказала я, собираясь уходить. – Нет, нет и еще раз нет. Я ухожу, Трей. А *ты* возвращайся в класс.

Он решительно покачал головой.

– Это было бы очень безответственно с моей стороны. Ты либо в беде, и в этом случае я мог бы тебе помочь, либо ты сошла с ума, и в этом случае кто-то должен присматривать за тобой. Я буду добровольцем, по крайней мере до конца дня.

Я направились самым прямым путем через кампус к станции метро.

– У тебя занятия. Ты не можешь просто бросить все. Разве у тебя нет *родителей*?

Он пожал плечами, подстраиваясь под мой шаг.

– Мой отец, *наверное*, сказал бы, что я делаю правильный выбор. Он не будет жаловаться в любом случае. Моя мама может не одобрить, но она в командировке и ближайшие несколько месяцев, на Гаити, и я не думаю, что ей позвонят из школы. Эстелла – она живет с нами – *будет* отчитывать меня за то, что я прогуливаю занятия, но из школы не звонят никому, кроме родителей. Так что ты застряла со мной.

Я не знала, смеяться мне или плакать. Трей был милым и, я должна признать, очень милым, но мне нужно было сосредоточиться на своих проблемах. Может быть, мне удастся оторваться от него в толпе на вокзале?

Метро, однако, вызывало у меня волну беспокойства. Внезапно мысль о том, что кто-то будет рядом после того, что я пережила этим утром, показалась мне не такой уж плохой.

— Ладно, — сказала я, — ты можешь пойти со мной. Но ты должен знать, что сегодня утром меня ограбили в метро.

Он снова одарил меня своей кривой усмешкой.

— Черт, подруга, у тебя *действительно* был плохой день.

Нам пришлось ждать поезда минут пятнадцать, но дорога до Вашингтона была недолгой. Трей пытался завязать разговор. Мой мозг работал на автопилоте, но все же мне удалось покивать в нужных местах. Его мать работала в государственном департаменте и много путешествовала. Его отец работал в какой-то международной фирме, для меня это звучало довольно туманно. И они только что вернулись из Перу, где он учился в школе для детей дипломатов. Когда я спросила о братьях и сестрах, Трей рассмеялся и сказал, что его родители недостаточно часто находились на одном континенте, чтобы осилить второго ребенка. Они решили, что Трей с отцом останутся в Вашингтоне, чтобы он мог окончить среднюю школу в Брайр Хилл, это место посещали его отец и дед. Эстелла, которая работала на его семью с тех пор, как отец Трея был еще ребенком, заботилась о них и корми-

ла.

Когда они вернулись из Перу в декабре, в Браяр Хилл сказали его отцу, что Трей будет принят в выпускной класс осенью, поэтому он был на домашнем обучении в течение всего этого времени. Но в январе неожиданно появилось свободное место, и он смог приступить к учебе в весеннем семестре. Это было похоже на то, как я получала свое место, когда папа согласился на эту работу.

Я тоже рассказала ему свою двухминутную биографию, или по крайней мере версию, которая была правдой час назад, и мы говорили о музыке и кино в течение нескольких минут. Или, скорее, Трей говорил, а я слушала и кивала.

Когда мы поднялись по эскалатору к солнечному свету, я остановилась и закрыла глаза, делая глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Ты в порядке? – спросил Трей. Я отрицательно покачала головой.

– Здесь всего несколько кварталов до нашего дома, и я... я не думаю, что она будет там. И мне страшно.

Мне показалось странным говорить это кому-то, кого я едва знала, но Трей был настолько дружелюбен, что трудно было держать дистанцию.

– Что ж, – сказал он, – будем беспокоиться об этом, когда выясним, ладно?

Когда мы добрались, мне даже не пришлось использовать ключ. Я разглядывала окна дома, когда Трей открыл почто-

вый ящик и заглянул внутрь – вся почта была адресована кому-то по имени Судхира Сингх. Но, как только мы завернули за угол, я сразу поняла, что мама там не живет. Розовые гофрированные занавески с завязками никогда бы не висели в том доме, где жила Дебора Пирс. Если бы такие занавески продавались вместе с домом, они были бы сняты и выброшены в мусорное ведро еще до того, как первую коробку для переезда вынут из грузовика.

Казалось, я совсем обессилела, и все, что я могла сделать, это спуститься со ступенек дома. Трей взял все на себя и повел меня к Массачусетс-авеню, где мы нашли кофейню. Он усадил меня у окна и вернулся с двумя чашками кофе и двумя черничными булочками. Я пообещала возместить ему все, но он только рассмеялся, сказав, что с кофе и булочками все равно не выйдет достойного свидания.

– А почему ты думаешь, что этот временной сдвиг заставил твоих папу и маму... исчезнуть? – спросил он. – Ты сказала, что это случилось уже дважды, и никто не исчезал. Почему именно в этот раз?

– Я не знаю. На самом деле я даже не задумывалась об этом, – я сделала паузу на мгновение, прокручивая в голове все, что помнила. – В доме моей бабушки были две фотографии, и ее друг Коннор сказал, что они обе были копиями одного и того же семейного портрета. Одна из них хранилась в защищенной зоне. В защищенной от временных сдвигов одним из этих медальонов. Когда я увидела эти копии сегодня, это были портреты двух разных семей, возглавляемых одним и тем же человеком.

Я сделала глоток кофе, прежде чем продолжить:

– Должно быть, что-то изменило ход жизни этого человека на фотографии, возникло два разных пути. И да, Коннор

и Кэтрин могут ошибаться или лгать, одна фотография может быть отредактирована, или мужчины могут быть братьями-близнецами, я не знаю... Но я почти уверена, что человек на тех фотографиях – это тот же самый человек, которого я встретила сегодня утром в метро сразу после того, как меня ограбили. Только сегодня утром он был примерно на двадцать лет моложе, чем на фотографии, сделанной в 1920-е годы.

– Подожди, – сказал Трей, – ты встретила парня с фотографии? Сегодня утром?

Я кивнула.

– Он предупредил меня, что что-то должно произойти. И я видела, как он исчез, держа в руках точно такой же медальон, – я вымученно улыбнулась Трею. – Все это звучит для меня так же безумно, как и для тебя. Я думаю, мои мама и папа исчезли, потому что в прошлом что-то изменилось. Что-то, что повлияло на мою семью.

Я пересказала историю, которую мне рассказала бабушка, осознавая, что в том, что я знаю, были огромные пробелы. Я рассказала ему о ХРОНОСе и о том, как Кэтрин сбежала в 1969 год.

– Если подумать, – заключила я, – то я бы сказала, что Сол наконец-то догнал мою бабушку в прошлом. Если она не родила мою мать, то и меня никогда не было, и мой отец... – я пожала плечами, – у него нет никаких причин быть в Брайя Хилл. Или что-то еще изменилось, и мои мама и папа, а мо-

жет быть, и я?.. Я понятия не имею, как это работает. Может быть, мы все еще в Айове...

Трей встал и жестом попросил меня подвинуться. Он втиснулся на сиденье рядом со мной и достал из сумки маленький ноутбук.

– В таком случае это самое подходящее место, чтобы начать. Давай найдем твоих родителей. Правильнее «Дебра» или «Дебора»? А как пишется «Пирс»?

Я взглянула на него с недоверием.

– Ты *веришь* мне? Ты действительно веришь во все это?

Он откусил кусочек булочки, медленно пережевывая и обдумывая свой ответ.

– Нет, – сказал он. – Не обижайся, пожалуйста. Ты сама сказала, что это безумие. Я не верю, что реальность изменилась и что медальон на твоей шее может заставить тебя исчезнуть. Хотя я должен признать, что нервничал, когда ты держала его в руке чуть раньше, так что, возможно, я все же не полностью тебе *не* верю.

– Так зачем тогда помогать мне? – я подозревала, что это отчасти потому, что он находил меня привлекательной. Трей был хорошим парнем, но, если бы не этот маленький факт, я была почти уверена, что его обязанность помочь заканчивалась на станции метро.

Он доел булочку и ответил:

– Важно то, что я действительно думаю, что *ты* веришь во все рассказанное мне. И я уверен, у тебя где-то есть роди-

тели, и я бы хотел попытаться помочь тебе найти их. Пожалуйста, съешь что-нибудь, ладно? Иначе мне придется нести тебя на руках до метро.

– А почему просто не отвезти меня обратно к бабушке? – спросила я, будто защищаясь, и откусила кусочек от своей булочки. Я чувствовала себя потерявшимся котенком, которого он кормил и держал подальше от уличного движения, пока искал нового хозяина.

– Ну, во-первых, ты не сказала мне ни ее имени, ни адреса, – сказал Трей. – А во-вторых, ты ведь не этого хочешь, верно?

Я покачала головой, ответив:

– Нет. То есть... нет, пока я не узнаю.

– Хорошо. Тогда мы ищем твоих маму и папу. Давай начнем с поиска в Google...

Двадцать минут спустя мы установили, что Деборы Пирс не существует или по крайней мере она никогда не преподавала историю ни в одном из колледжей, где работала. Я знала логин и пароль для доступа к ее университетскому сайту, потому что мама всегда использовала один и тот же пароль для всего. Пароль не подошел, так как в системе не было записей о пользователе dpierce42. Мы попытались найти некоторые научные статьи, которые она написала, но не нашли никакой информации о них.

Трудно было представить себе мир, в котором моя мать не существовала... *никогда* не существовала. Я прикусила ниж-

нюю губу и сделала несколько глубоких вдохов в попытках сосредоточиться на поисках отца, пытаясь подавить страх, который рос внутри меня. Он не был включен в список преподавателей на сайте Браяр Хилл, что не удивило нас. Затем мы перешли к общему веб-поиску. Нашлось много Гарри Келлеров, включая одного, что был кинорежиссером еще в 1950-х годах. Я попросила Трея сузить поиск до Делавэра и включить в него моих бабушку и дедушку, Джона и Терезу Келлер. Их адрес не изменился, и я почувствовала облегчение.

– Попробуй добавить что-нибудь такое: «математическая олимпиада». Мой отец был в команде в старших классах – это то, что он обычно вписывает в свою биографию. Думаю, для того чтобы отметить свою помешанность на математике.

– Или, возможно, чтобы вдохновить своих студентов, помешанных на математике, – сказал Трей с улыбкой.

Он изменил критерии поиска, и через пару минут я уже смотрела на папину фотографию. У него была борода, которую я видела только на паре фотографий из его студенчества, но это определенно был он. Он преподавал в школе-интернате примерно в часе езды от дома моих бабушки и дедушки в Делавэре.

Я схватила Трея за руку и крепко сжала ее, сказав:

– Мы нашли его. Это же мой папа!

Я вынула три фотографии, которые носила в своем бейдже. На одной была изображена мама, которая не любила фо-

тографироваться и поэтому выглядела немного раздраженной. На одной были изображены мы с Шарлейн после церемонии вручения пояса по карате. На последней фотографии был папа, снятый на прошлое Рождество, он держал в руке вок, который я ему подарила. Я показала фотографию Трею.

Он молча кивнул.

– Да, это один и тот же мужчина. И сразу понятно, что вы родственники, даже с фотографии в интернете. У тебя его глаза. И улыбка такая же.

Я придвинулась к Трею, чтобы прокрутить страницу вниз и прочитать остальную часть биографии, положив фотографию на стол рядом с ноутбуком. Но, как только я убрала руку, фото исчезло. Действуя рефлексивно, я попыталась схватить то, чего там уже не было, понимая, что уже ничего не изменить. Еще секунду назад фотография была там – цветное пятно на полированном черном мраморе стола. А в следующее мгновение снимок исчез.

– Охренеть... – Трей разинул рот и отстранился, забившись в угол. – Кейт, ты это видела?

Мы на мгновение замолчали.

– Не думаю, что мне удастся доесть этот кекс, – пробормотал он.

Не раздумывая, я вытащила ключ ХРОНОСа из-под рубашки и прижала руку Трея к своей груди так, чтобы мы оба были в полном контакте с медальоном. Через несколько мгновений Трей пришел в себя.

– Ты помнишь, что только что произошло? – спросила я.
Трей кивнул, ответив:

– Да. Мы нашли твоего отца. А потом его фотография, которая лежала *прямо там*, рядом с солонкой, просто исчезла, – он посмотрел на свою руку, которую я все еще прижимала к груди. – Я не то чтобы жалуюсь, вовсе нет, но почему ты держишь мою руку... там?

Я покраснела, но не убрала его ладонь.

– Мне начинает казаться, что будет... опасно, если я хоть на мгновение потеряю контакт с этим медальоном, Трей. Если моя мать не существует в этом времени... тогда и я тоже, верно? А еще я помню, каково это было, когда произошли временные сдвиги, а у меня не было медальона. Я чувствовала себя... так, как ты выглядел всего пару минут назад. Слабость, тошнота, паника?

– Да... сейчас мне лучше. Но что-то заставляет меня верить, что этой фотографии никогда и не было. Дело не только в том, что я не верю в то, что вещи могут вот так исчезать, но и в том, что я помню две противоположные вещи одновременно, если это имеет какой-то смысл?

– Все это не имеет никакого смысла, – сказала я. – Чего я никак не могу понять, так это почему ты вообще видел, как исчезла фотография. Не думаю, что у тебя есть ген ХРОНО-Са, так как медальон выглядит для тебя обычным... но Коннор, друг моей бабушки, сказал, что любой, кто не носит медальон, не поймет, что что-то изменилось, когда произойдет

изменение во времени.

– Может быть, достаточно касаться того, кто носит медальон? – предположил Трей. Он слегка пошевелил плечом и коленом, которые все это время касались меня, потому что здесь было тесно.

– Может быть, – сказала я. – Но... теперь ты мне веришь, да? В то, что я тебе рассказала?

Трей скорчил гримасу.

– Да. В этом мне придется согласиться с Шерлоком Холмсом: «Если исключить невозможное, то что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно ни казалось», – он уставился на то место, где только что была фотография. – Я бы сказал, что то, что ты описала ранее, *было* невозможным, но я только что увидел все своими глазами. Я мог бы попытаться сделать вид, что этого не произошло... возможно, я даже заставлю себя поверить в это... но меня не проведешь.

– Вот почему я держу твою руку на медальоне, – сказала я. – Боюсь, что если ты уберешь свою руку, то забудешь об этом... что ты перестанешь мне верить, – слезы подступили к моим глазам, и я сморгнула их. – Я знаю, что это звучит невероятно эгоистично, но мне сейчас очень, очень нужно, чтобы кто-то поверил мне.

Его улыбка вернулась, только немного подрагивала.

– Хорошо, но думаю, нам будет трудно закончить этот поиск с нашими руками в этом положении. И люди будут пялиться на нас, если мы попытаемся пройти вот так по улице.

Может... мы просто сядем ближе? – он обнял меня левой рукой и очень медленно убрал правую, пока я наблюдала за его лицом, ожидая каких-либо изменений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.